

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
Ш21

При оформлении книги использованы иллюстрации по лицензиям:

от Shutterstock.com:

Olesia, 3d-sparrow, a_bachelorette, Aha-Soft, aksol, AlanVec, AlenkaKagor, Alex Rockheart, alex74, Alexander_P, Alexandra Dikaia, Alexandra Romanova, ALEXEY GRIGOREV, Alexey Painter, AlianaDes, alicedaniel, Alisa_Elly, Alona Savchuk, Aluna1, alya_haciyeva, Amili, anastasiia ivanova, Anastasiia_Shliago, Anatoly Shapoval, andrey oleynik, Andri Kurniawan, andrykay, Annareichel, Annie Dove, Anton Kudriashov, Antonov Maxim, ARENA Creative, art of line, art_of_sun, ArtColibris, Artex67, ArtMari, artnLera, ArtSilks scarfV, Artur Balytskyi, Asmedei, Astarina, Ataxhia, Athanasia Nomikou, AVA Bitter, Avisnana, Azamat Fisun, Babich Alexander, BadassVector, Baka Sobaka, Baranovskaya, barrirret, Belchishche, Bernardo Ramonfaur, bioraven, brgfx, Budarina Elena, Burunduk's, Canatic, Canicula, Carla Francesca Castagno, chempina, chronicler, chuhastock, Ciripasca, Cosmic squirrel, creativepriyanka, Croisy, Daniela Barreto, Danussa, De Visu, designer_an, Devita ayu silvianingtyas, di_illustrator, Digital Draw Studio, DiViArt, Dmitry Natashin, Dn Br, dobrodzei, dobrograph, drawhunter, Drawlab19, Egor Shilov, Elegant Solution, Eroshka, Eva Kali, eva_mask, Evgeny Bornyakov, Fafarumba, Farferros, FedorAnisimov, fire_fly, Ford Design, frozenbunn, Galeart Studio, Galina Sorokina, GhostArt, GN, GooseFrol, Gratsias Adhi Hermawan, Gwoeii, H Art, hadkhanong, Ilona Rainbow, Ilya Oktyabr, Irina Tihomirova, Irina Zaharova, Istry Istry, Iuliia Shepeleva, ivecator, IZ Stock Works, Janna Mudrak, Jeanna Draw, jesadaphorn, Jimena Catalina Gayo, Jo_Ana, JosepPerianes, Juan Pablo Patti, Julia Henze, Julia Raketic, juliare, Kamieshkova, Kate Macate, Kateryna Fedorova Art, Katrevich Valeriy, kay mosk, KERIM, KiraDesign, Komleva, Kretsua Nataliya, Kseniakrop, leedsn, Lemon Workshop Design, Lemonade Serenade, LeMyppp, Les Perysty, LHF Graphics, Lida Bu, Lilkin, LindaSQ, Liya Zonova, logaryphmic, Lorelyn Medina, lynea, Macrovector, MadPixel, Maisei Raman, makar, MaKars, Mallinka1, MarCh13, Marek Tr, Margarita Steshnikova, Marharyta Kovalenko, Marien-ij, MarijaPiliponyte, mart, Marusya Chaika, Melok, Merguy, messer16, mhzatapa, MicroOne, mijatmijatovic, Milanana, Milemil, miniwide, Miroshina, MoreVector, Morozova Olga, Morphart Creation, Mureu, Naci Yavuz, Nata K. Art, NataLima, Natata, Natykach Nataliia, naum, Nepart, netsign33, nikiteev_konstantin, Nikolaeva, Nikolayenko Yekaterina, NikomMaelao Production, NikVector, Ohn Mar, Oksava, Ola_view, Olga Chetvergova, Olga Olmix, Olha Turchenko, Olli_may, onot, ONYXprj, Opanasenko Mariia, Orfeev, owatta, P.S.Art-Design-Studio, paramouse, patrimonio designs ltd, Pavel K, Peratek, pikepicture, pimchawee, Polina Gazhur, Polina Tomtosova, polygraphus, primiaou, Prokhorovich, ProStockStudio, Pylypchuk, Redshinestudio, retro67, RetroClipArt, retrorocket, reyals, Roman Bykhalov, rraya, rudall30, Rustic, SAHAS2015, Saibarakova Ilona, SalvagorGali, sash77, Sasha_Ivv, schiva, Seohwa Kim, Serhii Borodin, Shalyapina, Shorena Tedliashvili, Sketch Master, Slonomysh, SofiaV, Sopolkin, SpicyTruffel, Studio77 FX vector, Susann Schroeter, t.latsheva, Tarakan4ik, Tarocco Designs, Tatiana Davidova, TDubov, The Mumus, TheBlackRhino, Tiwat K, Topolyushka, Uncle Leo, Vahid-Iele, Val_Iva, Valentin Chemyakin, Varlamova Lydmila, Vectorgoods studio, VectorPixelStar, Vera Vera, Victoria Sergeeva, Vikoshkina, Visual Generation, vitasunny, VladisChern, Vyazovskaya Julia, Wonder-studio, xpixel, Yaroslava D, Yevgen Kravchenko, Yoko Design, Yurii Andreichyn, zaryov, zizi_mentos, zombisicusus, Zubdash

Шанский, Николай Максимович.

Ш21 Лингвистические детективы : Увлекательные рассказы из жизни слов. Книги 1, 2 / Николай Шанский. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с. : ил. — (Русский без ошибок).

ISBN 978-5-04-163935-8

Перед вами знаменитые лингвистические детективы выдающегося лингвиста Николая Максимовича Шанского.

Загадочные приключения, запутанные случаи, приключения слов, выражений, оборотов помогут разобраться в многочисленных сложных вопросах лексики, словообразования, правописания русского языка.

В новом издании мы объединили две книги в один том.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-04-163935-8

© Боброва Т.А., 2005
© ООО «Айдномикс», макет, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

РУССКИЙ БЕЗ ОШИБОК

Шанский Николай Максимович

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ
УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ СЛОВ**

Книги 1, 2

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*
Руководитель направления *В. Обручев*
Ответственный редактор *Ю. Лаврова*
Младший редактор *Ю. Ключина*
Художественный редактор *А. Шуклин*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

В коллаже на обложке использованы фотографии:
JenJ_Payless, Krasovski Dmitri, Mega Pixel, Flas100 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Өндүрүш: «ЭКМО» АКБ Баспасы,
123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 ғимарат, 20 қабат, офис 2013 ж.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дукен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Алматы қ., Дембровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification
Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification
Өндiрген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 24.01.2022.
Формат 70x100^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 46,67.
Тираж экз. Заказ

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

БОМБОРА – лидер на рынке полезных и вдохновляющих книг. Мы любим книги и создаем их, чтобы вы могли творить, открывать мир, пробовать новое, расти. Быть счастливыми. Быть на волне.

Мы в СОЦСЕТЯХ:

   [bomborabooks](https://bomborabooks.ru) [bomбора](https://bomбора.com)
[bomбора.ru](https://bomбора.com)

ISBN 978-5-04-163935-8

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:

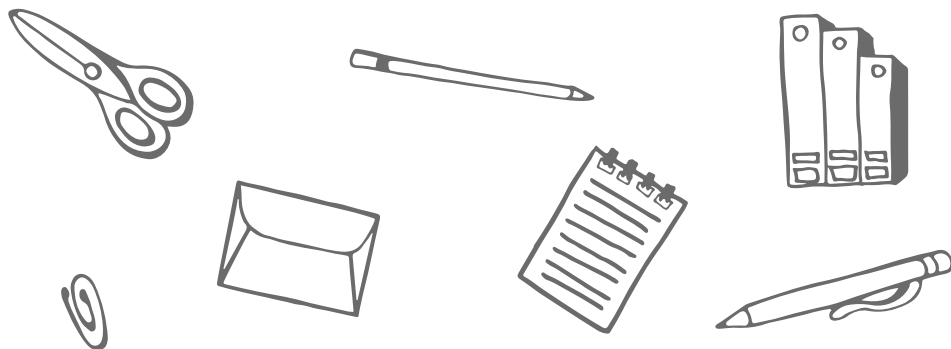
одни клик до книг

ЧИТАЙ · ГОРОД

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
“ЭКМО-АСТ”

Содержание

Моему читателю10

В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ДЕБРЯХ	12
Детектив про детектив	14
Дело о прилагательном лингвистический и глаголе звать	17
История с историей	22
Свидетельство слова свидетель	23
Как слово оценка связано со словами хаять, сочинение и нерукотворный ?	25
О «кулинарных» фразеологизмах	31
Ключ к слову эксклюзивный	33
О глаголе разевать , его производных и существительном хиатус ..	34
Слова, открытые «на кончике пера»	36
Метрики прилагательного пышный	41
Сладкий и солёный	42
О «сотворении» слова тварь	43
Жужу и жучка	44
Когда и как появились грамматические термины склонение и наклонение ?	46
О «вине» винительного падежа	50
О спряжении и падежах	52
Откуда получают имена реки?	55
О Волге и влаге	58
Как называются города?	61
О городке Городке	68
Болград и Гранвиль — маленькие «большие города»	70
Почему в слове Солигорск пишется буква и ?	71
Владимир и Познань	72
Житомир	73
Мзда, возмездие и безвозмездный	74
Казначей, барабанщик и басмач	78
Чужие близнецы	81
Что общего между словами капитан и капуста ?	83

Что моет судомойка?	85
Почему назвался груздем ?	86
Электрификация и янтарь	88
Что такое писатель ?	90
Почему в слове гапология нет гапологии?	91
Сырок и сырник	93
Где корень в слове корень ?	94
Как была названа рука?	96
Два слова о слове один	97
Для ради предлогов для и ради	98
Про дорогу и улицу	100
За что говядина называется говядиной ?	102
Происходит ли существительное врач от слова врать ?	102
Можно ли доказать, что в слове топор надо писать о , а не а ?	103
Почему прачку назвали прачкой ?	105
Что значит слово хлябь ?	107
Два глагола обуять	108
Опять и обратно	109
О чем рассказывает слово окно ?	110
Чем существительные порт , гавань и пристань отличаются друг от друга?	111
Гольшом , нагишом и телешом	112
Что есть кто ?	116
Что было раньше: фляга или фляжка ?	118
Родословная дворняжки	119
Пылесос и пылесосить	120
«Микроповесть» о слове микробус	121
Слова ЭВМ и компьютер	124
Где корень в слове солнце ?	125
Может ли ком быть суффиксом?	127
Чему родственно слово силком ?	129
Баки , дупель , Каспий и другие.	129
Прилагательные моровая и смертельная как они есть	131
О трех воинских званиях.	132
От мимохода до лунохода	133
О прошлом и настоящем существительных сапожник и портной . ..	136
Откуда в слове ишь мягкий знак?	139
Чудесные превращения слова каждый	140
Как родилось слово драндулет ?	142
Правильно ли мы пишем слово гуталин ?	143
ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	144
ВНУТРИ СЛОВА	164
Внутри слова внутри	166
Почему -ся не частица?	169

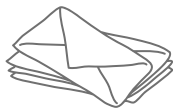
Об окончаниях и суффиксах в словах вечером и дома	172
Глагол уничтожить по составу и происхождению	174
Для точности о выражении для блезиру	175
Какая приставка в слове встать ?	175
Немного о приставке пра-	176
Почему в глаголе расспросить два с ?	176
Я в слове приятный	177
Где же, наконец, суффикс в прилагательном розоватый ?	178
Три ли морфемы в слове томский ?	181
Есть ли в слове вынуть корень?	182
Анатомия слова принять	184
Заинька и паинька	186
Глагольные близнецы — одеть и надеть	187
Что такое бесталаный — «несчастный» или «бездарный»?	188
Странность прилагательного молчаливый	190
Как членится на морфемы и как образовано прилагательное сердитый ?	190
Поверка и проверка	193
Три слова с приставкой тре-	193
Как членится и как образовано слово поколение ?	194
Можно ли трогать , не трогая?	195
Размышления о том, почему мы пишем месиво , но варево	196
Про о в слове киномеханик и е в слове кинематография	198
О родственных связях слова предварительный	199
Почему слово подлинный пишется с двумя н ?	200
Два однокорневых синонима	201
Почему в слове скатерка нет буквы т ?	201
С помощью какого суффикса было образовано слово мохнатый ?	202
Почему в слове лестница пишется буква т ?	202
Таганрожский или таганрогский ?	203
О словах космос , космонавт и космический	204
Можно ли считать корнем кус- в слове искусство ?	205
-И и -те в глаголах повелительного наклонения	206
О двух л в слове аллея	207
Вчера и днес	208
Слаще или слаже ?	209
Что такое ч в слове стричь ?	211
Нужные сведения о прилагательном сведущий	212
Почему мы пишем городки , но городошник ?	213
Исключение ли прилагательное голевой ?	215
Правильно ли употребляется морфема -ся в форме равняйсь ?	217
КАК РАЗБИРАТЬ СЛОВО ПО СОСТАВУ	218
 РЕШИТЕ САМИ. Упражнения на выделение окончания.	237
 РЕШИТЕ САМИ. Упражнения на определение морфемного состава основы.	247

 РЕШИТЕ САМИ. Эвристические задачи по деривации	262
СЛОВА СРЕДИ ДРУГИХ СЛОВ.	272
По следам междометий	274
Что такое междометие?	274
Адю, прощай и до свиданья	275
Айда и гайдамаки	277
Алло — «слушаю, у телефона»	277
Амба и баста	278
Ась и сейчас	279
Ату и его антоним тубо	279
Баю-бай	280
Бис и браво	280
Брр! Мороз	281
Брысь и прочь	282
В темпе аллегро о вишь	282
О третьем есть и единственном нет	283
Здравствуй	284
Стоп и штопор	285
Пли!	285
Спасибо и пожалуйста	286
Ура	286
Два исчезнувших звука в слове усь	287
Галлицизм ли фюить ?	288
Чуть-чуть о чу	288
От чш! до цыц!	289
Шабаш!	290
Среди фразеологизмов.	291
Лишь только	291
Люблю молодца за обычай	292
Кануть в вечность	293
Филькина грамота	295
Во весь опор	295
Прокатить на воронях	297
Прописать ижицу	297
Разные шалаша	298
Как ни кинь — все клин	299
Заварить и расхлебывать кашу	300
Китайская тень в единственном числе	302
Не ради красного словца о фразеологизмах красный угол, красное знамя и им родственных	303
О фразеологизмах черный ящик и черная дыра и их опорных существительных	305
Два разных сезона	307
Мурашки забегали	309

Черным по белому о выражении черная кошка пробежала ..	310
О двух «дорожных» фразеологизмах	311
Два сердца в одном сердце	313
С грехом пополам	315
С гилькин нос о с гилькин нос	315
Бразды правления	315
Стоять у кормила	316
Очная ставка	317
За душой нет ничего	317
Нести окоlesiцу и говорить невесть что	318
Три фразеологических алогизма	319
Быть немым как рыба и реветь белугой	320
Глухая тетеря	321
Быльем поросло	323
Шарашкина контора	323
Как вкопанный и как заведенный	324
Разделатъ под орех	325
Нечем крыть	326
Идти напропалую	326
Притча во языцех	327
Идти ва-банк	327
Не в своей тарелке	328
Разводить тары-бары	328
Собаку съел	329
Чужими руками жар загребать	331
Задеть за живое	331
Семь пятниц на неделе	331
К черту на кулички	333
На кудыкину гору	334
О слове костить и обороте перемывать косточки	335
Это его конек	335
Намылить голову и задать головомоiку	336
Пиррова победа	338
Крокодиловы слезы	339
Зарыть талант в землю	339
Хранить молчание и играть в молчанку	340
Не миновать глагола	341
Гол как сокол	341
Очертя и сломя голову	342
Вкратце о личных именах Евангелия	344
СЛОВО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ	356
Художественное произведение и язык	358
Языковые шумы и помехи	362
Слова и словесные сообщества — в замедленном чтении	375

Что было у Плюшкина?	375
Загадочный AgNO_3	379
Водомет и водомёт	380
В поле нашего зрения слово экран	384
О прилагательном пресловутый	385
О слове риза у Пушкина и особенно у Лермонтова	386
Поэт и гражданин	389
«За звук один...»	393
Слова он весил осторожно	394
Правильно ли без запятых?	395
Не напрасно о слове напрасно	397
Возможное заблуждение	398
О белых ночах	399
Телескоп, виды и павильон	401
Хлеб с маслом	402
О пирамидальном тополе	403
Сапоги его скрышели	405
О двух словах драгунского капитана	407
Неясный ропот	409
О двух строчках из стихотворения М. Лермонтова «Смерть поэта» ..	411
Грозный суд или грозный судия ?	414
В гостях у архаической лексики поэмы «Руслан и Людмила»	417
Галстук и галстух	419
Что такое пальто ?	422
Еще об одном названии одежды	423
Разные написания в кавычках	425
Какую Рахметов тянул лямку?	427
Во что и зачем стучал сторож?	428
XXXV строфа первой главы «Евгения Онегина»	430
О значении двух слов на эпи-	432
Пучок зари	436
Скобки в XLVII строфе главы четвертой	437
 РЕШИТЕ САМИ. Чем торгует Лондон щепетильный!	439
А вдруг не то вдруг ?	443
Мечты и мечты	446
О взорах и взглядах	448
Про годину, годовщину и год , а заодно — про лето и весну	449
В каком месяце Пушкин изображает деревню в стихотворении «Деревня»?	453
Небось и наверное в поэме Н. Некрасова	454
 РЕШИТЕ САМИ. Трудные строки «Кому на Руси жить хорошо»	457
Два слова из «Железной дороги»	461
Хрипуны Грибоедова и Чехова	462
Каков он — глагол кушать ?	464
Какая погода?	465

Семантика слова вечор	467
Не только ветрило	470
Сыны Авзонии и сыны Дронштейма	471
Перечитывая «Зимнее утро»	473
Наглая смерть	476
Светоч , да не тот	477
Вот такие, дорогие мои, пирог и щи	479
Фразы с перифразой	481
 РЕШИТЕ САМИ. Переведите на современный язык	486
Об одном довольно странном окончании	488
О словосочетании о третьем годе	492
Знал ли Пушкин орфографию?	493
Виждь и другие	494
Навстречу Печорина	496
Пойдёт — не пойдёт	498
Ты пишу в нем себе варишь	501
Ц или С ?	503
 РЕШИТЕ САМИ. В гостях у Пушкина	504
Мирные глаголы	509
От березового молока до плакучей лещуги	512
Что позволено Ломоносову, не позволено Есенину	514
Шушун	516
Поэт и пиит	517
Корогод	520
О странной строчке из поэмы С. Есенина «Анна Снегина»	521
О существительном обилие во множественном числе	523
Таинственное словосочетание	524
В наших жилах — кровь, а не водица	526
 РЕШИТЕ САМИ. Куда ведут клипсы-лапки... ..	529
 РЕШИТЕ САМИ. В плену поэтических строк Б. Пастернака	534
Поэтический текст глазами лингвиста	538
«Прощай, немытая Россия...» М. Лермонтова	538
Не просто слова	544
Алгебра поэтической гармонии	548
Быть самим собой	553
 РЕШИТЕ САМИ. Еще одно, последнее, задание	558
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ	570

Моему читателю

Книга, которую вы взяли в руки, необычна. Объясняется это двумя обстоятельствами: во-первых, ее содержательной сутью, а во-вторых, стилем бесхитростного научно-популярного изложения и формой подачи занимательного материала. Только это, по существу, и вынуждает меня к краткому предисловию. Итак, несколько предваряющих слов об этой книге. С первой же страницы вы попадаете в удивительный и загадочный мир нашего великого языка.

При всей кажущейся простоте и системном «уюте» языка в нем, этом «духовном теле мысли» (В. Жуковский), содержится столько вызывающего самые разные и неожиданные вопросы, что просто диву даешься. Больше всего такого неясного, странного и даже детективного в строительных материалах языка, то есть в словах как таковых, в словах как компонентах устойчивых оборотов, в словесных единствах того или иного художественного текста. Много неясного также в грамматике, правописании и произношении слова. Поэтому с первых минут вы окунетесь в Слово и его тайны. В каждом рассказе или заметке перед вами одни лишь слова, слова, слова.

В композиционном отношении книга построена как свободная последовательность маленьких лингвистических новелл о самых различных словах и словесных сообществах, об их семантике, структуре, происхождении, орфографии и звучании, употреблении в обиходной и поэтической речи.

Таким образом, книга, которую вы будете читать, выступает как «собрание пестрых глав» (А. Пушкин) по русскому языку. Почему что-то или кто-то называется так, а не иначе? Из каких

частей слово или оборот состоит? Что они сейчас обозначают? В силу каких причин пишутся, произносятся и употребляются именно так, как мы это сейчас делаем? Откуда пошли, как сделаны, когда и где родились? Что с ними потом произошло? Какую роль они играют в художественном тексте?

Вместе с тем данная книга не только сборник отдельных, внешне иногда совершенно не связанных между собой мини-очерков, но и своеобразное введение в науку о русском языке, в котором вы знакомитесь со многими (очень важными) вопросами лексикологии и фразеологии, этимологии, правописания и орфоэпии, культуры речи, поэтики и лингвистического анализа художественного текста. Правда, книга не является учебным пособием, где все такие проблемы освещаются в методической системе и в соответствии с определенной программой, но к усвоению теоретических вопросов, думается, с помощью анализа отдельных, самых различных по своему характеру языковых фактов все же ведет. Этому способствуют специальные разделы, посвященные разбору слова по составу, этимологии и языку художественной литературы, а также задания, после которых всегда следуют соответствующие ответы.

В книге вы найдете не только научно-популярные пересказы уже известного в русском языкознании, но и немало того, что было добыто и открыто самим автором в течение его многолетней научной и преподавательской работы. Говорю об этом только потому, что у многих еще не изжито (особенно у специалистов) снисходительное отношение к написанному просто и адресованному широкому кругу читателей.

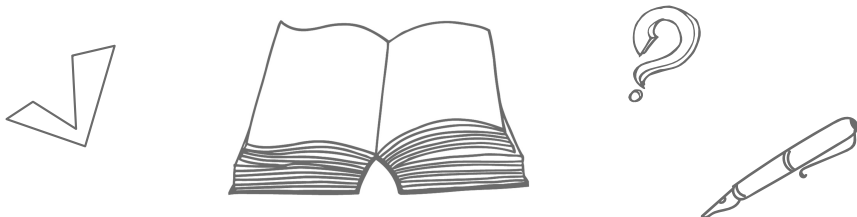
Удалась ли эта книга, насколько она оказалась вам интересной и полезной, судить вам. Только читайте ее внимательно. Ну а теперь за книгу. Нас ждут слова.

В ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ
ДЕБРЯХ

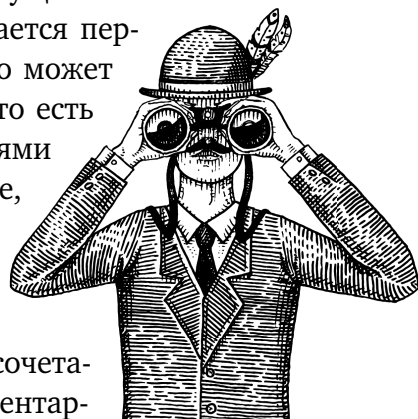

Детектив про детектив

Загадочные приключения, запутанные случаи, словом, детективные истории, которые раскрываются с помощью лингвистического анализа, представляющего собой основной инструмент языкознания как науки, логичнее всего, пожалуй, начать с рассказа о самом слове *детектив*. Ведь это, как кажется, простое слово является довольно трудным и уходит своими корнями в глубокую языковую старину.

Но о том и другом по порядку. Прежде всего давайте обратимся к его значению. Заглавие заметки в этом отношении (я это сделал, конечно, намеренно) выступает двусмысленным. В своем значении сразу и однозначно раскрывается предлогом *про* (про что?) лишь его последнее слово. Совершенно ясно, что существительное *детектив*, замыкающее название этого очерка, значит «детективная история» (или роман, фильм и т. д.), так как слово *детектив* в значении «агент сыскной службы, сыщик» после предлога *про* в винительном падеже как одушевленное существительное имело бы форму *детектива*. Что касается первого слова заглавия нашего очерка, то оно может быть понято по-разному: то ли детектив, то есть «сыщик», делится своими соображениями о каком-либо детективном романе, фильме, запутанном происшествии или детективном жанре, то ли в заглавии первое *детектив* равно по смыслу второму.

Как видим, уже по заглавному словосочетанию приходится проводить, пусть элементар-

ное, следствие. О том, что значит первое слово заглавия заметки — надо только ее читать внимательно, — говорит дальнейшее изложение.

Таким образом, мы установили, что существуют два слова *детектив* (в словарях они толкуются как два значения одной и той же лексической единицы). Какова их родословная?

Если вы объедините их как одновременные и одноисточниковые, то сделаете ошибку. Сначала в русский язык пришло, как считают, из английского языка (правда, с окончательным французским ударением!) слово *детектив* — «сыщик». Оно отмечается в толковых словарях с 1934 г. Это существительное передает английское *detective* той же семантики. *Детектив* в значении «загадочная, запутанная история» — иного толка и появляется значительно позднее. Оно является исконно русским и возникло посредством лексико-семантического способа словообразования на базе *детектив* — «детективный роман, фильм», также слова нашего и недавнего: в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (1954 г.) его еще нет. В нашей речи оно стало в ходу с 1960-х гг. По способу образования это существительное *детектив* совершенно другое. Оно возникло уже с помощью морфологического способа словообразования, а именно путем аббревиации, то есть чистого сокращения словосочетаний *детективный роман*, *детективный фильм*, калькирующих, вероятно, английское *detective novel*, *detective film*.

Следовательно, слово *детектив* — «детективный роман, фильм» по деривационному (словообразовательному) складу и ладу такое же производное, как *противогаз* — из *противогазовая маска*, *самоцвет* — из *самоцветный камень*, *демисезон* — из *демисезонное пальто*, *неформал* — из член *неформальной организации*, *беспредел* — из *беспредельная свобода* и т. д.

Но это далеко не все в детективной истории слова *детектив*, если дотошно расследовать дело о его родословной. Лингвистиче-

ские разыскания (как говорят, язык до Киева доведет!) приводят нас неожиданно к таким архидалеким от существительного *детектив* словам, как... *тога* и *стог*. Вы удивлены? И тем не менее, как это ни странно, все три названных существительных являются словами одного и того же корня.

Английское *detective* заимствовано из латинского языка и восходит к причастию *detectivus* от глагола *detegere* — «открывать, раскрывать», который является приставочным производным к глаголу *tegere* — «крыть, укрывать». Значит, *детектив* исходно — «тот, кто раскрывает, открывает» (дверь, вход, загадку, преступление и т. д.) и отсюда — «тот, кто ищет», то есть «сыщик». Сравните родственное *детектор* — «искатель, индикатор», *детектор лжи* — «определитель лжи» < английское *lie detector*. Латинский глагол *tegere* со своим значением «крыть, покрывать» прямо и непосредственно связан со словом *toga* — «верхняя одежда римского гражданина», освоенным в виде *тога* нашим языком в конце XVIII в. Слово *toga* было образовано от глагола *tegere* безаффиксным способом словообразования с регулярной перегласовкой (e/o) корня, характерной для многих индоевропейских языков.

В качестве аналогичных по способу производства можно привести слова *везти* — *воз*; *теку*, *течь* — *ток*; *бреду*, *брести* — *брод*; *дом* — от исчезнувшего *denti* (греческое *domos* — *demō* — «строю»); *лежать* — *ложе* и т. д. Тога буквально значит «то, что покрывает, покрывало» и далее — «одежда» (сравните: *наряды* и *рядиться в тогу*, *облачение* и *разоблачить* и пр.).

Итак, получается, *детектив* как «раскрыватель» вообще (и затем — тайны, преступления и т. д.; сравните: *срывать одежды* с чего-либо, *покрывать* кого-либо) неразрывно связан с *тогой* как «то, что покрывает». То же самое смело можно сказать и о слове *стог*, имея в виду и его исходное значение, и его исходные словообразовательно-корневые данные. Абсолютно непохожее

и в функционально-смысловом плане бесконечно далекое от слова *детектив* существительное *стог* все же генетически его родственник. Первоначальное значение слова *стог* (оно сохранилось в балтийских языках; литовское *stogas* — «крыша, кровля») — «то, что укрывает, покрывает, защищает» > «крыша, кровля» и лишь затем — по воле метонимии — «то, что прикрывают, покрывают». Между прочим, стога до сих пор нередко (особенно в Прибалтике и на северо-западе России) сверху прикрывают от дождя.

«Позвольте! — можете сказать вы. — Но ведь слово *стог* начинается с *с*! Разве в нем тот же корень, который просматривается в латинском *toga*? Чем же тогда будет в нем *с*? Начальное *с* в нашем слове является так называемым подвижным *s*, известным в древнюю эпоху многим индоевропейским языкам. Так, в древнеиндийском и греческом языках рядом с латинским *tegō* («покрываю») мы находим, соответственно, *sthágati* («укрывает») и *stegō* («покрываю»).

В нашем языке рядом с *кора* наблюдаем *скорняк*, *шкура* (от устаревшего *скора* — «шкура, кожа, кора»), *осколок* — *колоть*, *скопить* — *копать* («рыть, вырывать»), *стерня* — *терн* и т. д.

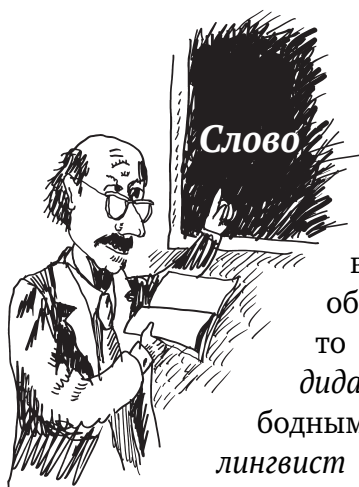
Ну вот, наше расследование закончено. Мы убедились, что существительное *детектив* и слова *тога* и *стог* по своему происхождению — своеобразные однокорневые антонимы: *тога* и *стог* укрывают, а *детектив* — «сыщик» — раскрывает. Так что мы сейчас выступали в роли лингвистического детектива.

Дело о прилагательном лингвистический и глаголе звать

После установления родословной слова *детектив* будет закономерным и естественным наше обращение к определяющему его прилагательному *лингвистический*. В заглавии заметки я соединил его с глаголом *звать*. Это не вызвало у вас удивления? С чего бы их между собой связывать? Но подождите, об этом потом.

Прилагательное *лингвистический* на первый взгляд ничего интересного не содержит. Совершенно ясна его словообразовательная структура, не вызывают никаких сомнений и смысловые связи. В нашем языковом сознании оно воспринимается как самое заурядное исконно русское слово, образованное с помощью суффикса *-еск(ий)* от существительного *лингвистика*, которое, в свою очередь, создано посредством суффикса *-ик(а)* от слова *лингвист* (по модели *гимнаст — гимнастика*, *поэт — поэтика*, *журналист — журналистика* и пр.).

Что касается существительного *лингвист*, то по своему морфемному составу оно выглядит как производное с суффиксом *-ист* от связанного корня *лингв-*, известного также и в таких словах, как *лингвострановедение*, *билингв* («человек, способный употреблять в ситуациях общения две различные языковые системы, то есть говорящий на двух языках»), *лингводидактика* и т. д. Своим связанным, а не свободным корнем и суффиксом лица *-ист* слово *лингвист* очень похоже на одно из двух названий специалиста по славяноведению — *славист*.

По сравнению с прилагательным *лингвистический*, слово *лингвист*, наверное, у большинства из вас вызывает впечатление иностранного. И не напрасно. Оно действительно является заимствованным в первой половине XIX в. из французского языка, где было известно как ученое новообразование от латинского *lingua* аж с XVII в.

Однако не нашим — как это ни кажется нам парадоксальным — является и исходное прилагательное *лингвистический*. Это (и таких слов немало) по своему устройству и форме будто бы самое «нашенское» слово на деле, как и существительное *лингвистика*, тоже усвоено из французского языка, правда, французское *linguistique* в соответствии с законами русского языка при заимствовании было переоформлено с помощью суффикса *-еск(ий)*.

Между прочим, синонимы слова *лингвистика* — *языковедение* и *языкознание*, как и многие другие лингвистические термины XIX в. (сравните: *праязык* от немецкого *Ursprache*, *словообразование* от немецкого *Wortbildung* и т. д.), являются словообразовательными кальками немецкого *Sprachwissen*.

Итак, идя по следам прилагательного *лингвистический*, мы пришли к латинскому *lingua* — «язык» (и в значении «орган речи», и в значении «речь, средство общения»). Есть ли в латинском и русском словах еще что-либо общее, кроме значения? Если сравнить со многими родственными словами русского и латинского языков (*матерь* (Божия) — *mater*, *два* — *duo*, *есть* — *est*, *гость* — *hostis*, *любо* — *lubet*, *море* — *mare*, *новый* — *novus*, *соль* — *sal*, *видеть* — *videre*, *велю* — *volo* и т. д.), то можно сказать, что вряд ли. Но языковые пути, как и Господни, неисповедимы. Как внешне слова *lingua* и *язык* сейчас друг от друга ни далеки, они все же (не поразительно ли?) являются родственными, «вылетели» из одного и того же корневого гнезда. Свидетельства? Аргументы? Сейчас будут.

Начнем с нашего *язык* как претерпевшего больше изменений (и структурных, и фонетических).

Сравнение русского слова с соответствующим словом в других славянских языках (сравните болгарское *език*, польское *język*, чешское *jazyk* и т. д.) позволяет восстановить общеславянскую форму этого существительного как **ęzyk*, где позже возник протетический (вставной) *j*, а *e* (в русском 'а) восходит к звукосочетанию *en* (сравните: *семя* — *семени*).

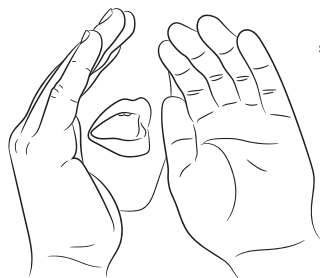
Сравнение **ęzyk* с древнерусским *камык* — «камень», суффиксальным производным от *камы*, родительный падеж *камене*, позволяет трактовать его как одноструктурное и выделить в нем тоже суффикс *-к(ѣ)*. Тем самым вырисовывается, с учетом того что *ы* здесь является отражением *й*, старое **ęnzū*. Но эта форма также не является исходной. Следует иметь в виду, что общеславянское *z* восходит к индоевропейскому *g'h* (сравните: *заяц* — готское *gaits* («коза»), буквально — «прыгающее животное»,

зеленый — кимрское *gledd* («зеленый дерн»), диалектное *зород* («огороженное место») — литературное *город*, немецкое *Garten* («сад») и т. д.). В результате можно реконструировать исходную форму **eng'hū*. Если учитывать, что *ū* давало на славянской почве как *ы*, так и *ѡв* (сравните: *любы* — *любѡве*; *ы* в *камы* другого происхождения — из *-en-*), а индоевропейский палатализованный (смягченный) заднеязычный с придыханием *g'h* в разных языках изменялся как в *z*, так и в *g* (см. выше), то становится видной родственность слова *язык* из *язы* **eng'hū*, как древнепрussкое *insuwis* — «язык», авестийское *hizvā* — то же, так и латинское *lingua*, особенно если знать, что *l* в этом слове появилось под влиянием *lingere* («лизать») на месте старого *dingua* (сравните также готское *tungō* — «язык», немецкое *Zunge* — то же).

Не будем углубляться далее в этимологические разыскания, связанные с объяснением родословной индоевропейского названия языка. Здесь очень много неясного с его много- и разнообразным, несводимым к единому началом (*en-*, *din-*, *tun-*, *hi-* и т. д.), которое подверглось всякого рода переделкам. Важно, что основной корневой компонент слова *g'hu-* представлен удивительно регулярно и точно.

Этот факт позволяет нам ответить на вопросы, почему язык называется *языком* и, соответственно, почему в заглавии заметки прилагательное *лингвистический* дается через союз *и* с глаголом *звать*, хотя ничего похожего в этих словах (кроме *в*) нет.

Дело в том, что *звать* (*зѡвати*, где *зѡ-* **g'heu-*) и *языкъ* (в части *зы* **g'hū-*) — слова одного и того же корня (только с перегласовкой *eu* — *ū*), равно как и латинское *lingua* (в части *gu* *gв*).

Так что *язык*, *lingua* буквально значит «то, чем зовут, называют, кличут, говорят» и, следовательно, «орган речи» и «сама речь, язык как средство общения». Но не только это называется словом *язык*. Не останавливаясь на переносно-метафорической семантике кулинарной

и военной сферы (*заливной язык, добыть языка*), обратим внимание на одно уже устаревшее, но в русской поэтической классике XIX в. еще известное значение. Вспомним пушкинское «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», где говорится: «И назовет меня всяк сущий в ней язык» (правда, любопытно соединение по-этом этимологически родственных слов *назовет* и *язык*?). Здесь существительное *язык* значит «народ», то есть уже не «то, чем зовут, говорят и т. д.», а «тот, кто зовет, говорит и пр.». Кстати, с точки зрения целого ряда ученых — и на это есть определенные основания, — слово *говорить* (от *говор*) тоже находится в родстве со словом *язык*, поскольку исходные корни *-(o)p* — является суффиксом) *гов-* и *зы-* отличаются лишь качеством начального гуттурального (твердого) и заднеязычного палатального (смягченного) с придыханием согласного *-gu* и *g'hū*.

Некоторые этимологи считают *язык* («народ») семантической калькой латинского *lingua* («народ») < *lingua* («язык»), однако с этим трудно согласиться. Против этого и данные письменности, и существование регулярной словообразовательно-семантической модели называния народа по особенностям его речи (в частности, такие слова, как *варвары, немцы, славяне*, но о них как-нибудь в другой раз).

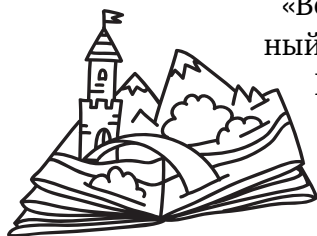
А сейчас пора заканчивать. Позволю себе сделать это на весьма вероятном предположении ряда этимологов о прямой, «кровенной» связи слова *язык* с существительным *зык* — «крик, шум, звук», до сих пор известным в диалектах, а в литературном языке отложившимся в производном *зыкный*. Слово *зык*, как считают, выступает как неосложненное «темным началом» *я-* (см. выше) образование с суффиксом *-к-*, аналогичное диалектному *голк* — «крик, шум, звук» (общеславянское **gьlkъ* с тем же корнем, что архаическое *глагол* < общеславянского сложного **golgol* — «речь, слово»), *звук* и диалектному *зук* — «шум, крик, звук» (с тем же корнем, что и *говор*, о котором мы только что с вами говорили).

Возможно, что все эти слова не только одного корня, но и восходят в принципе к одному и тому же звукоподражанию.

История с историей

Не менее детективной, нежели истории о словах лингвистический и детектив, оказывается история самого слова *история*. И не только как загадочная и запутанная, но и как история лексической единицы, тесно связанной по своей содержательной сути с деятельностью детектива, сыщика и следователя.

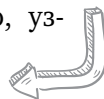

«Вот так история с географией! Какой неожиданный поворот дела!» — могут сказать некоторые. И тем не менее это так. Каким образом? А таким же, как связаны слова *история* и *география* в обороте *история с географией*. Ведь этот фразеологизм в значении «неожиданный поворот (дела)», «непредвиденное событие» (не удивляйтесь!) возник на базе названия интегративного (объединенного) учебного предмета, который когда-то существовал в русской школе. Поэтому заглавие заметки, построенное на этом выражении, не случайно. Но пора окунуться в историю слова *история*. Откуда пошло наше слово *история*, говорит — как это ни странно — оно само. В древнегреческом языке, из которого оно заимствовано, его исконное значение — «расспросы, расспрашивание», далее — «разыскание, исследование», то есть узнавание, получение необходимых сведений и данных и как результат этого — «знание». А отсюда уже — один шаг к значению «наука» (в том числе и «наука о случившемся в прошлом»), что метонимически дало затем значение «произошедшее, прошлое» и, наконец, «рассказ о случившемся, историческое повествование». Именно в последнем значении слово *история* сначала и было заимствовано нашим языком в древнерусскую эпоху.

В памятниках письменности оно встречается с XIII в. Таким образом, историки исконно были похожи на разведчиков и детективов, для установления того, что произошло, случилось, занимаясь расспросами и розыском, осмотром и наблюдением и т. д. И об этом наглядно и недвусмысленно говорят семантико-словообразовательные связи

и происхождение греческого *historia*, которое представляет собой суффиксальное производное от глагола *historeō* («осматриваю, расспрашиваю, осведомляюсь, разведываю, узнаю») и далее — «передаю, повествую, описываю».

Слово *историк*, как свидетельствует его греческий первоисточник (*historikos*), первоначально значило «знающий, сведущий» и лишь затем — «разбирающийся в истории, историк как специалист». Причем историк выступал как бесстрастный ученый, объективно свидетельствующий о том, что произошло в действительности. Вспомним слова Аристотеля: «Историк и поэт различаются тем, что первый говорит о происшедшем, второй же о том, что могло бы произойти».

По образу, положенному в основу слова *историк*, оно аналогично словам *разведчик*, соотносительному с *разведывать* — «узнавать», и *наблюдатель* (от *наблюдать*).

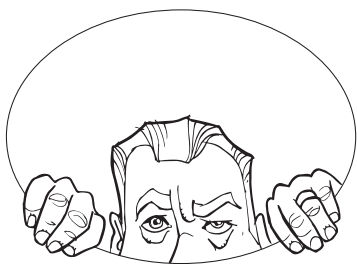

Свидетельство слова свидетель

Слово *свидетель* при всей своей непохожести на слово *историк* и «далекости» от него все же имеет с ним толику общего. Во-первых, это проявляется в том, что оно, несмотря на свой самый русский вид, тоже заимствовано. Во-вторых, в основу существительных *историк* и *свидетель* как названий лица положен один и тот же признак: и то и другое обозначают лицо по его осведомленности, лицо, которое что-то знает, которому что-то известно, ведомо. «Позвольте, позвольте! — скажете вы. — Оно же соотносится с глаголом *видеть*. Мы и пишем его с *и*. Ведь свидетель — это тот, кто видел». Все это, кажется, действительно так. Сейчас существительное *свидетель* нами невольно связывается с глаголом *видеть*, но образовано оно не от *видеть* и, как уже говорилось, не в нашем языке.

Вечная история в мире слов: кажется, что наше, а оказывается — чужое; представляется производным от одного слова, а на самом деле родилось совсем от другого.

Однако по порядку. Слово **свьѣдѣтель** было заимствовано нашим языком из старославянского. Оно встречается уже в Остромировом Евангелии 1056 г. в значении «знающий, сведущий, дающий сведения, свидетель». Тут же рядом с ним мы видим и его производное **свьѣдѣтельство**, и его словообразовательных братьев **свьѣдѣць** (сведок), **свьѣдѣние** — «знание» (вспомните слово *история* и т. д.), и его прямого словообразовательного родителя **свьѣдѣти**. Среди них только синоним *сведок* является исконным, унаследованным нами из общеславянского языка. Все остальные, как и *свидетель*, — из старославянского.

Исходный глагол в старославянском является префиксальным производным от **свьѣдѣти**, имеющего значение не только «знать, ведать» (сравните: *языковедение* и др.), но и «видеть» (!). Последнее значение отмечается, в частности, в Юрьевском прологе XIV в.: **Внезапѹ вскочи левъ страшенъ въ градъ и вси видѣли се.**

Так что *свидетель* — это все-таки тот, кто знает, потому что видел. Значение «знать» в **вѣдѣти** возникло из зрительной семантики «видеть» (сравните старославянское **вѣжды** — «глаза, веки», производное от **вѣдѣти** с помощью суффикса *-dj-* > *-жд-*). Исходное **свьѣдѣтель** изменилось в *свидетель* под влиянием народно-этимологического сближения с глаголом *видеть* и как бы вернуло ему исходный образ, положенный в его основу. Произошло то, что в диахроническом словообразовании называется замещением основ, то есть одно из многих исторических изменений в структуре слова: непроизводная основа *-вид-* сменила непроизводную основу *-вѣд-*. Причем — редкий случай — корень сменился этимологически тем же корнем, правда с перегласовкой (*и* — *е*) — *и* и более древней зрительной семантикой.

Как видим, слово *свидетель* и в самом деле одно из свидетельств особого рода изменений в структуре слова, подобное тому, что мы наблюдаем в словах *солянка* < *селянка* < *селянская еда* (под влиянием слова *соль*), *бесталанный* < *бесталантный* (под влиянием *бесталантний* — «несчастный»),

силком — «наильно» < *силком* — творительный падеж от *силок* (в выражении *тащить силком*), *синица* < *зиница* (от *зинь-зинь*, под влиянием *синий*) и т. д.

Слово *свидетель* как «видящий» и, значит, «знающий» имело ныне устаревший синоним, который по своему морфемному составу и образному стержню напоминает слово *историк* (см. выше) еще более. Это существительное *послух*, тесными узами связанное со словами *слушать* и *слухать* и аналогичными производными *послушьство* — «свидетельство», *послушьствовати* — «свидетельствовать» и т. д. Оно употреблялось в древнерусском языке (в разных списках одного и того же памятника даже в идентичных контекстах) не менее часто и широко, нежели *свьѣдѣтель*, и вошло даже во фразеологический оборот *Бог послух*, давший затем современное *Бог свидетель*.

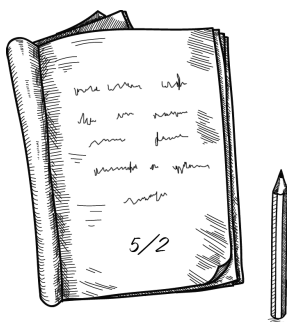
Как слово оценка связано со словами хать, сочинение и нерукотворный?

Иногда цены иногда самым, казалось бы, простым вопросам, которые приходят в мой адрес от многочисленных читателей. Вот, например, один из них просит объяснить, «какое слово произошло раньше: *ценность* или *оценка*». Решив ответить на этот вопрос, я понял, что ему будет грош цена, если ограничиться только этим: так много занимательного и интересного заключается в словесном сообществе родственников этих как будто простых существительных. И поэтому вместо официального ответа написал специальную заметку, где будет немало нового и даже детективного. На это, думаю, всем ясно указывает уже заглавие заметки, которая далее вам предлагается.

Итак, начнем с хронологии — времени появления слов *ценность* и *оценка*. Вначале было слово *оценка*. Впервые оно фиксируется в «Лексиконе трезычном» Ф. Поликарпова (1704 г.). Что касается слова *ценность*, то оно появляется позднее. Его лекси-

кографическая жизнь начинается со «Словаря Академии Российской» (1789–1794 гг.). Оба существительных встречаются и в других славянских языках, но они, несомненно, поздние и являются в них самостоятельными параллельными образованиями, одинаково сделанными из одного и того же морфемного материала. Оценку их структурно-семантического характера начнем с существительного *оценка*. Его структура прозрачна и прямо указывает на способ словообразования: *оценка* — суффиксальное производное от *оценить*, приставочной формы к *ценить*, в свою очередь образованного с помощью суффикса *-и(ть)* от *цена*. *Цена* же... Но о *цене* позже.

Первоначальным значением слова *оценка* было (и остается) «оценивание», затем появилось значение «цена, стоимость чего-либо» (то есть результат оценки) и, наконец, «мнение о стоимости, значении, качестве чего-либо»). Из последнего родилось и школьно-арготическое *оценка* — синоним слов *отметка* и *балл*, как указание на качество усвоения того или иного учебного материала по господствующей в нашей школе пятибалльной оценочной системе. В этом учительско-ученическом значении слово *оценка* стало общеупотребительным только в советскую эпоху.

Чтобы покончить со словом *оценка*, обращу ваше внимание на то, что в словообразовательной цепочке глагол *ценить* в значении «давать оценку» (любую) является устаревшим и периферийным; наиболее актуальным стало уже не соотносительное с семантикой (значением) существительного *оценка* значение «ценить высоко» (кого-либо или что-либо), «давать положительную оценку», «считать ценным» (сравните: *совсем не ценить*, *ценить за ум*, *ценить на вес золота* и т. д.).

Ну а теперь о слове *ценность*. «Правило матрешки» в разборе слова по составу дает формулу этого существительного:

(цен-н)-ость() и позволяет его — и совершенно правильно — толковать как суффиксальное производное от *ценный* — «имеющий цену» (обычно большую). Отсюда соответствующая семантика у нашего производного: *ценность* — не только «большая или незначительная стоимость вообще» и «ценность», но чаще — «то, что имеет высокую ценность» (в предметном плане — во множественном числе, сравните: *материальные ценности*). Ведь сейчас прилагательное *ценный* обозначает и «имеющий определенную цену», и «имеющий большую цену, дорого стоящий», и «имеющий важное значение» (это самое новое значение). Первичным значением прилагательного было «имеющий определенную цену», вытекающее из исходного слова *цена*. Это существительное оказывается ключевым. И среди родственных слов, разобранных выше, — самое древнее. В виде **zēna* оно жило уже в общеславянском языке со значением «цена» < «стоимость, плата за что-либо», сосуществовавшим рядом со значением «плата за что-либо несправедно содеянное, учиненное», что выражалось в разных формах (сначала — в виде расплаты, возмездия, наказания, штрафа, позже — в денежных единицах). Об этом наглядно свидетельствуют даже такие (кроме родственных слову *цена* иноязычных слов) русские слова, как *каяться* и *казнь*. Кстати, последние слова раскрывают структурное прошлое существительного *цена*, а именно его производный характер — суффикс *-н(а)*, сравните слова с тем же суффиксом: *сторона* (родственное *простор*), *оборона* (родственное *бороться*) и т. п. Тот же суффикс (с темой-окончанием *ѣ*), между прочим, прячется и в довольно близком родственнике (не сочиняю!) слова *цена* — глаголе *сочинять*. Но об этом обстоятельстве потом.

А сейчас несколько слов о словах *каяться* и *казнь*.

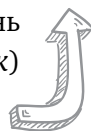
Первое как возвратная форма к старому и диалектному *каять* («осуждать, бранить, ругать, бить, заставлять, принуждать каяться») значит сейчас «признаваться в своей вине, проступке, ошибке», «раскаиваться, мучиться, страдать, казниться» (из-за содеянного), то есть подвергать себя наказанию (за содеянное). Оно хорошо «высвечивает» древнее фонетическое обличие слова *цена* — общеславянское **koina* < **kaina*, где перед дифтонгическим по происхождению *ѣ* к > *ц* (сравните: *рука* — в *руце* *Божией*).

Второе не менее интересное и доказательное. Слово *казнь* в древности имело то же значение, что и слово *цена* — «наказание, расплата, штраф, месть, возмездие». Многие славянские языки эту семантику отражают до сих пор. Показательно (и тем это ценно), что в древнерус-

ском языке существительное *казнь* исходно не имело современного значения, а обозначало любое наказание (телесное, духовное, в виде стихийного бедствия и т. д.). Именно поэтому возникло выражение *смертная казнь*, которое и дало затем в результате эллипсиса прилагательного наше *казнь* в значении «лишение жизни как высшая мера наказания» (сравните: *температура* — «повышенная температура» < *высокая температура*, *песок* < *сахарный песок* и т. п.). Заметим, что градационное «повышение цены» значения типа *казнь* — «наказание» > «высшая мера наказания» характерно и для производного от *цена* прилагательного *ценный* (от «имеющий определенную, безотносительно к степени, цену» к «имеющий большую, высокую цену, очень важный»; сравните: *драгоценный* — «имеющий дорогую цену», где на характер цены указывает специальная часть слова со старославянским *драгъ* — «дорогой», *ценный подарок*, *ценное предложение* и т. д.).

Особенно забавно в семантическом отношении производное *бесценный*, имеющее взаимосвязанные, но, казалось бы, взаимоисключающие значения — устаревшее «очень дешевый, неценный» (сравните: *продать за бесценок*) и «очень дорогой, неоценимый».

Ну а теперь обратимся к глаголу *хаять*. Это слово уже В. Даль (правда, предположительно) толковал как родственное *каять*. Слово *хаять* («ругать, осуждать») известно уже древнерусскому языку. По своему происхождению оно действительно является близнецом, alter ego *каять*, его экспрессивным вариантом с меной *к* — *х*, таким же, как *хлопать* (сравните диалектное *клоптать* — «хлопать»), *хохол* (сравните словацкое *kochol* — «хохол»),

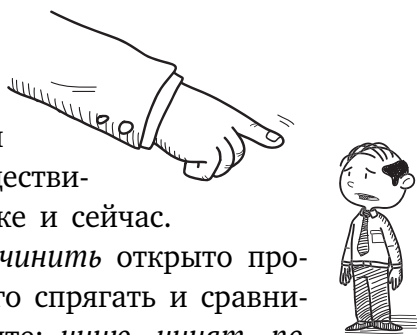
хлестать (сравните литовское *klastyti* — «трепать»), диалектное *хрестный* (сравните литературное *крестный*), *Холмогоры* (древнерусское *Колмогоры*) и т. д.

В заключение учиним вместе исследование судьбы глагола *чинить*.

Этот глагол является общеславянским суффиксальным производным от существительного *чинъ*, живущего в нашем языке и сейчас.

Свой суффиксальный характер глагол *чинить* открыто проявляет и сегодня: достаточно начать его спрягать и сравнивать с родственными словами (сравните: *чиню, чинят, починка* и т. д.), хотя его актуальное значение совершенно не соотносится с современной семантикой существительного *чин* (и не вытекает из нее). Но это только в русском языке. В других славянских языках наблюдается иное, все как на ладони. Дело в том, что только у нас слова *чинить* и *чин* «разошлись, как в море корабли». В общеславянском языке *чинити* — «делать, творить, устраивать» (откуда русское *чинить* «исправлять», то есть «делать снова что-либо пригодным») было связано с *чинъ* неразрывными узами, так как *чинъ* значило «действие, содеянное, дело, поступок, деяние», восходящее, как свидетельствует производящая основа (родственная древнеиндийскому *śauati* — «складывает, делает», греческому *ποιέω* — «кладу, складываю, делаю»), к семантике «сложенное, сделанное». На индоевропейском срезе, таким образом, слова *чин* < **keinъ* и *цена* < **kaina* выступают, по существу, как мужской и женский варианты исходно одного и того же морфемосочетания (с перегласовкой *o/e* и тематическим перебоем *a — o*; *ц* < *к* перед дифтонгическим *ѣ* < *oi* и *ч* < *к* по первой палатализации заднеязычных перед *и* < *ei*, см. выше), имеющие смежные значения — «содеянное, сделанное» и «плата за содеянное» (а затем также и «плата за незаконно содеянное»).

Проведенное лингвистическое исследование позволило увидеть родство, казалось бы, абсолютно чуждых по отношению друг к другу слов и значений. Сейчас в глаголе *чинить* самом по себе и в помине нет старого значения «складывать, устраивать, делать». Но обратившись к таким его приставочным образованиям,

как *сочинять*, *причинять*, *учинять*, можно увидеть, что указанное значение живо и спокойно присутствует в них в составе фразеологических оборотов *сочинять стихи*, *учинять расправу*, *причинять вред* и т. д. Да и само *чинить* в качестве компонента фразеологизма *чинить препятствие* еще знает значение «делать». Так что слабые отголоски связи современного *чинить* с общеславянским *чинѣ* (см. выше) все-таки слышатся.

Наше *чин* в своей семантике ушло далеко от семантики общеславянской, однако объяснить его из последней все же можно. Действие, деяние (и его результат) мыслится ведь не как разрушение, а как устройство, собрание, складывание (из частей) целого, приведение чего-либо в порядок. Отсюда возникают значения «порядок, строй, ряд» (сравните: *чин чином* — «по порядку, как надо») и далее — «определенное место в ряду», «сан» и «чин», откуда появились различные воинские и гражданские чины и чиновники.

Но так можно просто заметку не закончить. Поэтому «на десерт» нашего небольшого сочинения коснемся существительных *поэт* и *поэма*, а также прилагательного *нерукотворный*. Внимательное чтение предыдущего убеждает, что их кровное родство со всеми разобранными словами, пусть очень далекое и разное, не является поэтическим вымыслом. Слова *оценка*, *ценность*, *цена*, *каяться* и *хаять*, *казнь* и *чин*, *чинить* и *сочинять* входят в ту же группу однокорневых слов, что и заимствованные из древнегреческого *поэт* и *поэма*, которые, соответственно, сначала имели значения: *poiētēs* — «создатель, изготовитель, творец», *poiēma* —

«действие, дело, изделие» и лишь затем — «сочинитель, поэт» и «сочинение, поэма». Ведь слово *poiē* как древнегреческий собрат слову *цена* (см. выше) является таким же суффиксальным производным от *poiēō* — «делаю, готовлю, устраиваю, ставлю, кладу», как *poiētēs* и *poiēma*. Все они «вышли из шинели» глагола *poiēō*, прямого родственника (об этом уже говорилось) древнеиндийского *cinóti* — «складывает, делает».

Не совсем чужим словам *поэт* и *поэзия*, как ни странно, является прилагательное *нерукотворный*, поскольку оно появилось в качестве словообразовательной кальки греческого *acheiropoiētos*. Как поморфемная съёмка греческого прилагательного слово *нерукотворный* содержит в своем составе часть *твор-*, передающую греческую *poiēt-* того же значения.

Родство части *твор-* в *нерукотворный* со словами *поэт* и *поэма* уже не генетическое, а «духовное», связанное с заимствованием не слова в целом (*поэт*, *поэма*), а одной его семантической стороны.

В «кулинарных» фразеологизмах

Есть выражения, которые, как в бутерброде хлеб с маслом, тесно связаны с нашей постоянно меняющейся кулинарией, а значит, и меняющейся злобой дня, повседневным бытом нашего народа. В силу этого они довольно простые по своей родословной, но установить ее иногда оказывается довольно трудно. Начнем с наиболее, пожалуй, простого в этом отношении оборота.

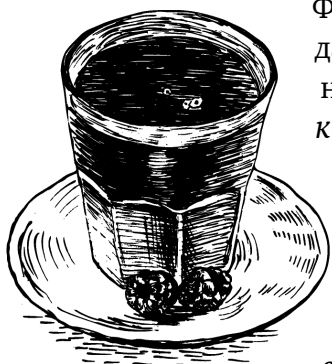
Оборот *проще пареной репы* («очень просто») возник путем контаминации (объединения элементов) оборотов *проще простого* («очень просто») и *дешевле пареной репы* («очень дешево»). Связующим и «прельстительным» оказалось значение «очень», присутствующее в обоих выражениях. Более старым, даже очень старым является фразеологизм *дешевле пареной репы*, восходящий к древнерусскому периоду. Он связан с продовольственными реалиями «докартофельной» поры, когда репа была самым распространенным из овощей и являлась повседневной крестьянской едой. В старину репа была не огородной, а полевой, что и определяло ее дешевизну. Ее заготавливали впрок так же, как рожь, овес, капусту и лук. Репа была одной из основных сельскохозяйственных культур. Неурожай ее и, следовательно, дороговизна отмеча-

лись как важное событие. Так, в Новгородской первой летописи (1215 г.) читаем: «Новгородѣ зло бысть вельми: кадь ржи купляхуть по десять гривен, а овса по три гривне, а репе воз по две гривне».

В кулинарном отношении приготовление репы было очень легким и нехлопотливым: чаще всего ее парили, то есть пекли в русской печи в закрытом глиняном горшке, где она распаривалась в собственном соку.

Именно эти экстралингвистические обстоятельства — наряду со сближением оборота *дешевле пареной репы* с построенным на тавтологии выражением *проще простого* — послужили возникновению фразеологизма *проще пареной репы*.

Фразеологизм *десятая вода на киселе* («очень дальний родственник») сравнительно недавно возник как производное от оборота *седьмая вода на киселе*, как еще бóльшая градационная гиперболизация, отражающая реальные кулинарные действия в процессе приготовления киселя. Слово *десятая* на месте *седьмая* является отражением современного интернационального десятичного счета. Слово *седьмая* в обороте *седьмая вода на киселе* появилось не как прямое отражение в нем деталей реального процесса, а как одно из частотных обозначений магического характера (сравните: *за семь верст киселя хлебать*, *семь пятниц на неделе*, *семь бед — один ответ*, *семеро одного не ждут*, *семь раз отмерь, семи пядей во лбу*, *семь верст до небес*, *у семи няnek дитя без глазу* и т. д.). Ведь главное в обороте — обозначение не близкого родства, а отдаленного, как первое число от седьмого. В принципе можно сказать и *тридцатая вода на киселе*, где отдаленность в родстве будет выражена еще сильнее, но это будет уже индивидуально-авторским употреблением.

«Все это хорошо, — скажете вы. — Но при чем здесь вода, кисель и процесс приготовления?» А при том, что выраже-

ние *седьмая вода на киселе* является по своей родословной переносно-метафорическим производным — в гиперболическом виде — свободного сочетания слов, обозначавших давние русские кулинарные реалии. Дело в том, что и *кисель* здесь не привычное для нас третье сладкое блюдо (оно пришло к нам из Европы), и *вода* очень к месту.

Раньше кисель делали не фруктовым и не с помощью крахмала из картошки. Это был мучной кисель, приготовляемый прежде всего из овсяной муки, студенистое блюдо из полузаквашенных отрубей, которые неоднократно (конечно, не семь раз) промывали водой и процеживали. Ясно, что *седьмая вода на киселе* была очень далека от первой, когда отруби только начинали промывать. Вот это и послужило основой для метафоры.

★ * Ключ к слову эксклюзивный ★

Слово *эксклюзивное* в современном русском языке является одним из многочисленных, буквально «запрудивших» в последнее время нашу речь англизмов. Чаще всего оно употребляется со словом *интервью* (кстати, тоже заимствованным: посредством французского языка из английского). Однако встречается оно и в выражении *эксклюзивное право* и др. Его значение (оно недавно попало в словари) можно сформулировать следующим образом: «представляющее собой исключение, данное исключительно кому-либо, только и единственно кому-либо, особое, в порядке исключения», «исключительное», «специальное».

Неразлучность со словом *интервью* позволяет думать, что здесь было калькирование целого выражения. Поскольку существительное *интервью* у нас укрепилось уже до этого, следует считать, что оборот *эксклюзивное интервью* — полукалька английского *exclusive interview*, подобно тому, как выражение *эксклюзивное право* выступает как полукалька французского *droit exclusif*, а фразеологическое сочетание *исключительное право* — как его полная калька.

Если «копать» дальше, то выясняется, что английское *exclusive* — «исключительный, особый, единственный» (сравните наречие *exclusively* — «только, исключительно») — обычный галлицизм *exclusif, ve* — «образующий исключение, составляющий исключительную принадлежность». Последнее — суффиксальное производное от *exclure* — «исключать(ся), выделять(ся)», восходящего к латинскому *excludere* — «выгонять, отрезать» < «вышибать, выбивать», образованному от *claudere* — «запирать, закрывать, замыкать», того же корня, что слова *clausum* — «запор, засов, замок», *clausula* — «заключение», а также (не удивляйтесь!)... *исключить, исключительный, ключ* и даже *клюка*. Не будем подробно разбирать эти слова.

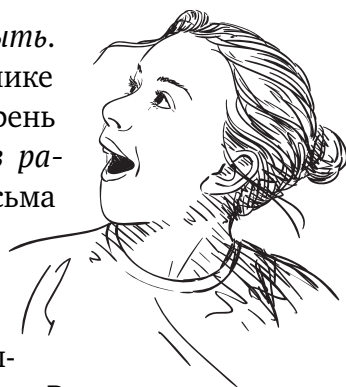
Прилагательное *исключительный* по структуре точно повторяет заимствованное *экслюзивный*, но является суффиксальным производным от церковнославянизма *исключати* (русское *выключить*, сравните: *изгнать* — *выгнать* и т. д.). Глагол же *исключати* не что иное, как префиксальное образование от общеславянского *ключити* — «запирать, закрывать, замыкать» (буквально — «закрывать засовом»), исходным к которому выступает *клюка* — «палка с загнутым концом», или, как толкует В. Даль, «палка с загибом», послужившее началом также слова *ключ*, обозначающего уже не только «то, чем закрывают» (*клюка, засов, крюк* и т. д.), но и противоположное — «то, чем что-либо, наоборот, открывают». Таков вот ключ к прилагательному *экслюзивный*. И в этих далеких-предалеких друг от друга словах звуко сочетание *клю-клю* оказывается не случайным совпадением, а этимологически (на индоевропейском уровне) одним и тем же корнем.

В глаголе *разевать*, его производных и существительном *хиатус*

Глагол *разевать* прямо и непосредственно связан со словом *зевать* как его префиксальное производное и по своей словообразовательной структуре аналогичен глаголу *раскрывать*, поскольку оба они являются глаголами

несовершенного вида к *разинуть* и *раскрыть*. Правда, последние по структурной морфемике друг от друга отличаются: в *раскрыть* корень свободный (сравните: *крой*, *кроет* и т. д.), в *разинуть* он (*зи-*) является связанным и весьма своеобразным. Но об этом позже. Сначала о том, почему в *разевать* пишется одно *з*. Такая орфография отражает на письме наблюдающееся (и нередко) наложение, аппликацию конечного *з* приставки на корневое. Ведь *разевать* состоит из приставки *раз-*, корня *зе-*, суффикса *-ва-* и окончания инфинитива *-ть*. Подобное явление наблюдается также, например, в глаголе *встать* — «подняться», где *с* относится и к приставке *вс-* (сравните: *воспарить*, *вспорхнуть*, *взлететь* без аппликации), и к корню *ста-*, как в глаголе *приду*, где *и* относится и к приставке *при-*, и к корню *и-* (сравните: *принесу*, *приклею* без аппликации) и т. д. Так что написание *разевать* с одним *з* отражает звуковую диффузию пограничных звуков разных морфем. Оно фонетическое и традиционное одновременно.

Что касается глагола *раззеваться* с двумя *з*, то он выступает как прекрасная иллюстрация морфематической в своей основе русской орфографии, «зеркально ясно» отражая суффиксально-префиксальный (или циркумфиксный) способ образования этого слова. *Раззеваться* образовано от *зевать* путем биморфемы (двойной морфемы) *раз* — ся так же, как *разболеться*, *раскричаться*, *расчихаться* и т. п. (от *болеть*, *кричать*, *чихать* и т. д.).

Ну а теперь о корнях *зе-* и *зи-* в *зевать* и *разинуть* (< *разинуть*). Это разные формы (*зе* < *з*) одного и того же индоевропейского корня, отмечаемого в исконном *зиять*, литовском *žióti* — «разевать» (рот), греческом *chainō* — «зияю, зеваю», латинском *hiare* — «зиять, зевать» и т. д. Значение «зиять» является первичным, оно и сохранилось у нашего *зиять* — «быть раскрытым, отверстием». Значение «зевать» вторично — «делать что-либо зияющим, широко раскрытым». Ну а от раскрытия рта до произ-

несения звуков — один шаг, и это отражается в значениях «кричать, звать» глагола *зевать*, свойственных этому глаголу и в русских диалектах, и в других славянских и неславянских языках (сравните диалектное *зевать* — «кричать, орать, громко говорить, звать», сербское *zijati* — «зиять, кричать», упоминавшееся уже греческое *chainō* — «зияю, зеваю», но также и «кричу, говорю» и т. д.). Поэтому и *зев* тоже бывает разным.

Да, все это хорошо, но при чем тут лингвистический термин *хиатус*? Очень просто. Слово *хиатус* как терминологическое обозначение стечения гласных, «не разобщенных» согласным, является суффиксальным производным от родственного словам *зиять* и *зевать* латинского *hiare* — «зиять, зевать». Выше мы его уже приводили. Правда, забрело к нам слово *хиатус*, подобно многим стиховедческим терминам, скорее всего, из французского языка и относительно недавно — в советскую эпоху.

Слова, открытые «на кончике пера»

Помните, как была открыта планета Нептун? Наблюдая за движением Урана, французский астроном Леверье обнаружил, что его орбита не совсем совпадает с той расчетной орбитой, которая у него должна была быть «по правилу», и содержит хотя и незначительные, но несомненные отклонения. Это было на первый взгляд странным и загадочным, и все же тем не менее фактом. Фактом, который требовал объяснения. И Леверье это объяснение нашел. Он предположил, что отклонения в орбите Урана объясняются воздействием на него еще более далекой от Солнца планеты, ученым пока неизвестной, которая и заставляет Уран «вести себя» не совсем так, как мы ожидали бы. По отклонениям в его орбите Леверье установил, где на небе надо искать виновника — планету, известную сейчас под именем Нептун. Пользуясь его расчетами, астрономы с помощью телескопов нашли Нептун точно в указанном месте звездного полога. Так пла-

нета сначала была открыта ученым «на кончике пера», а потом уже «поймана» путем визуального наблюдения в телескоп.

Точно так же были вначале предсказаны Менделеевым в его периодической таблице и затем лишь реально открыты некоторые химические элементы.

Возможны ли такие случаи в лингвистике? Практика свидетельствует, что открытия «на кончике пера» различных фактов языка, очень точные реконструкции и прогнозирование существуют также и в нашей лингвистической сфере. Конечно, и реконструкция исчезнувших из языкового стандарта фактов, и прогнозирование будущих требуют хорошего и всестороннего знания языка в его статике и развитии, глубокого и скрупулезного анализа фактов как элементов языковой системы, бережного и непредвзятого отношения к каждому конкретному языковому явлению.

Приведем две иллюстрации из области этимологических исследований.

Ярким и в то же время очень наглядным примером слова, действительно открытого «на кончике пера», является существительное *белица* в значении «белка». Оно было реконструировано нами, а впоследствии обнаружено в качестве реальной лексической единицы. Вот как это было. Даже самое поверхностное знакомство с прилагательным *беличий* (в сравнении, с одной стороны, с его ближайшим современным родственником *белка*, а с другой стороны, с однотипными относительно-причастительными прилагательными) показывало, что оно является уникальным и в общую и регулярную модель не укладывается. В самом деле, слово *беличий* осознается сейчас как производное от существительного *белка*. Но все же оно образовано явно не от слова *белка*, так как в этом случае (как свидетельствуют соотносительные по структуре образования с суффиксом *-j-/-ий* вроде *галка* — *галочий*) имело бы форму *белочий*. Вот это-то чисто «уранье» отклонение слова *беличий* от закономерной при

существительных с суффиксом $-к(a) < љк(a)$ формы на *-очий* и заставило нас реконструировать — в соответствии с существующими законами русского словопроизводства — в качестве производящего для этого прилагательного слова *белица*. Ведь если предположить, что прилагательное *беличий* образовано не от формы *белка* (первоначально уменьшительно-ласкательной), а от параллельной формы *белица* (сравните литературное *галка* — диалектное *галица*, *девка* — *девица*, *тряпка* — *тряпица*, *корка* — *корица*, *водка* — *водица*), то все встанет на свои места. Слово *беличий* тем самым будет выступать как самое заурядное и рядовое образование посредством суффикса $-j-/ий$ типа *девичий* (от *девица*), *птичий* (от *птица*) и т. п.

А водворение неясного по своему происхождению и структуре слова в его словообразовательную семью — это обязательное и очень важное звено в этимологическом поиске, ибо слов, от рождения по своему строению изолированных и особых, в языке не существует. Только потом отдельные слова отрываются от себе подобных и оказываются на словообразовательном отшибе.

Как видим, конкретное рассмотрение прилагательного *беличий* в широком лексико-словообразовательном контексте и с учетом существующих правил словообразования привело нас к реконструкции его непосредственного родителя — слова *белица*. И оно нашлось. Вот относящееся сюда место из памятников письменности:

«Прислали къ Владимиру послѡв своихъ обещаючи платити, якъ съчетъ, хотяи воскомъ, бобрами, черными кунницами, белицами, albo и сребромъ» (то есть «Прислали к Владимиру послѡв своих... обещающая платить (дань), как он захочет, либо воском, бобрами, черными куницами, белками, либо серебром»).

Слово *белица* зафиксировано также в словаре Е. Тимченко.

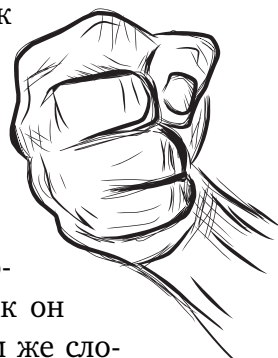
Другим примером слова, открытого «на кончике пера», может быть слово *драч* в значении «драчун», которое мной при этимологизации существительного *драчун* сначала было реконструирована-

но, а затем — каюсь, совершенно случайно, но с большой радостью — прочитано вдруг как «самое настоящее» и обычное слово в одном рукописном словаре XVIII в.

При поверхностном знакомстве слово *драчун* не вызывает у нас ни впечатления необычности, ни интереса. Действительно, рядом с ним есть и соотносительное слово *драка*, и однорядовые слова с суффиксом *-ун* (вроде *крикун*, *летун*, *бегун* и пр.).

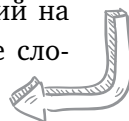
Поэтому оно воспринимается как совершенно нормальное и ясное образование с суффиксом *-ун*, даже и не заслуживающее этимологического анализа. Однако это только сначала. Оригинальность слова *драчун* (по сравнению с другими образованиями на *-ун*) начинает вырисовываться сразу же, как только мы сравним его с другими словами этой модели, также выступающими как производные от основы с конечным согласным *к* (сравните: *пачкать* — *пачкун* и т. п.).

Тогда становится ясным, что присоединение суффикса *-ун* к основам с конечным *к* не сопровождается чередованием согласных, *к* остается как он есть (сравните: *плакать* — *плакун* и др.). В нашем же слове (если считать его производным от *драка*) наблюдается непонятная мена *к* на *ч*.

Именно это отклонение слова *драчун* от словообразовательной орбиты слов на *-ун* и заставляет относиться к нему по-особому и, в частности, вынуждает искать причину исключительности, пусть и не очень заметной и существенной.

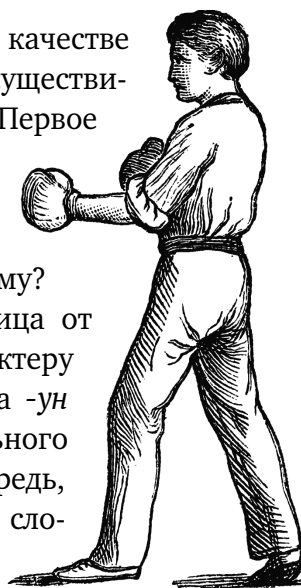
Не могло быть образовано слово *драчун* и непосредственно от глагола *драться*: в суффиксальном инвентаре русского языка суффикса *-чун* нет. С другой стороны, нет никаких оснований выводить слово *драчун* из круга образований на *-ун*. А раз так, то оно могло появиться только на базе слова, основа которого оканчивается на *ч*.

Если учитывать существующие модели, то в качестве такого слова теоретически возможно либо существительное *драча*, либо существительное *драч*. Первое слово, представляющее собой гипотетическую реконструкцию отглагольного существительного типа *удача* (от *удаться*), в роли производящего для слова *драчун* маловероятно. Почему?

Да потому, что слова на *-ун* со значением лица от глагольных и суффиксальных по своему характеру существительных не образуются. Среди слов на *-ун* нет ни одного, образованного от существительного отвлеченного действия, которое, в свою очередь, являлось бы производным от глагола. Поэтому слово *драча* (если оно даже является реальной лексической единицей) вряд ли было положено в основу нашего *драчун*.

Последнее, скорее всего, было образовано от слова *драч*, подобного существительным с суффиксом *-ч* типа *трепач*, *рвач*, *врач*.

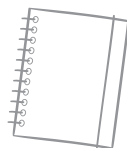

«Позвольте, — можете сказать вы, — но ведь, коль скоро слово *драч* аналогично отглагольным названиям лица с суффиксом *-ч*, оно и само означает лицо по действию образующего глагола, то есть драчуна. Выходит, суффикс лица (*-ун*) был присоединен к основе слова, которое было уже названием лица и содержало в себе «личный» суффикс *-ч*?» Совершенно справедливо. Так оно и есть. И самое интересное — в этом отношении слово *драчун* ничего особого и исключительного среди других имен со значением лица не представляет. Целый ряд обозначающих лицо существительных являются производными от существительных, уже имевших значение лица. Таким является, например, слово *лазутчик* (от существительного *лазута* — «лазутчик», образованного, в свою очередь, от *лаза*, что значит опять-таки «лазутчик»; и *лазута*, и *лаза* в диалектах еще известны).

Заметим, что такое повторение в слове одних и тех же по значению суффиксов для более наглядного и формального выражения категориального значения выступает в развивающейся языковой системе как одна из его специфических закономерностей,

проявляющихся во многих словах самого различного характера. Укажем в качестве примеров хотя бы существительные *кустарник* (от древнерусского *кустарь* — «кустарник»), *логовище* (от *логово*, производного, в свою очередь, от *лог*), *дороговизна* (от древнерусского *дороговь* — «дороговизна», сравните: *любовь*) и т. д.

Метрики прилагательного пышный

По своему происхождению это слово исконно русское и было унаследовано нашим языком, как и другими славянскими языками, из праславянского. В подавляющем большинстве славянских языков (отмечается это значение и у нас) оно значит «гордый, надменный». Продолжением и дальнейшим развитием данной семантики будет современное (наиболее частое и актуальное) значение этого слова — «роскошный, обильный».

Образовано было слово *пышный* посредством суффикса *-ьн- > -н-* от существительного *пыха* — «гордость, надменность, спесь», родственного диалектным словам типа *пыхать* — «чваниться», литературным *пыхтеть*, *пыхать* — «дышать», *пыхнуть* — «надуваться», *пышка* — «мягкая и рыхлая лепешка» и т. д.

Исходным значением прилагательного *пышный* должно быть значение «надутый, толстый». Такой же признак был положен в основу и некоторых его синонимов. К ним прежде всего следует отнести однокоренное слово *напыщенный*, которое возникло как страдательное причастие прошедшего времени от *напыщити* — «сделать гордым, кичливым, спесивым», префиксально производного на базе *пыщити* (от *пыск*, связанного с *пыхать* и пр.).

Аналогичны по своей образной структуре синонимические прилагательные *надутый* и *надменный*, оба восходящие к страдательному причастию от глагола *надуть* (первое с суффиксом *-т-*, а второе с суффиксом *-енн-*).

Сладкий и соленый

Разница между сладким и соленым общеизвестна. Различно и отношение к ним: одни любят сладости, другие — соленья. Поэтому кажется вполне естественным и оправданным, что прилагательные *сладкий* и *соленый*, как и все их родственники, образуют два совершенно особых гнезда слов.

Ведь *соленый* — это «содержащий в себе соль или приготовленный в растворе соли» (*соленая вода, соленый огурец*), а *сладкий* — «имеющий в себе сахар» (*сладкий чай, сладкий арбуз*). Разве может быть между ними какая-нибудь связь?

И все же эти слова тесно связаны между собой как однокорневые. Это отразилось даже в поговорке «Без соли не сладко, а без хлеба не сытно», в которой слово *сладкий* имеет одно из промежуточных (между «сладкий» и «соленый») значений — значение «вкусный».

Попробуем в нескольких словах изложить родословную этих прилагательных. Слово *соленый* — старое страдательное причастие прошедшего времени от глагола *солить*, в свою очередь образованного от существительного *соль* (сравните родственные литовское *salti* — «становиться сладким», латинское *salire* — «солить» и т. д.).

Слово *сладкий* — заимствование из старославянского языка (исконно русская форма — *солодкий*). Уже с точки зрения современного русского языка в слове *сладкий* по соотношению со словом *сладость* можно выделить суффикс *-к-* (сравните соотношение *крепкий* — *крепость*).

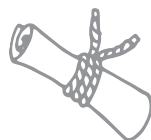
Исчезнувшая ныне форма без суффикса *-к-* подтверждается и словами *солод*, болгарским *слад*, сербским *слад* («солод») и литовским *saldūs* («сладкий»). Что же касается праславянского **saldz* (именно отсюда возникла полногласная форма *солод* и соответствующее неполногласие *слад*), то оно обра-

зовано посредством суффикса *-d-* от той же основы (*сол* < **sal-*), что и *соль*, *солон* в *солонина*, *солонка*, *не солоно хлебавши*. Суффикс *-d-* выделяется этимологически также в словах *молодой* (того же корня, что и *молоть*), *твердый* (того же корня, что и *творить*), *редкий* (родственное латинскому *rete* — «сеть»), *скудный* (того же корня, что и *щадить*), *гнедой* (родственное старославянскому *гнѣсти* — «зажигать, жечь») и т. д.

Слово **soldz* < *сладкий* первоначально значило «с солью, соленый» (сравните: *солон*, готское *salt* с суффиксами *-n-* и *-t-*), затем «приправленный», а значит, «вкусный», а потом уже приобрело более узкое значение — «вкуса сахара, содержащий в себе сахар». В результате «единокровные» слова *соленый* и *сладкий* выступают сейчас как чужие.

В «сотворении» слова *тварь*

Слово *тварь* в современном русском литературном языке имеет три значения. Два из них являются уже устаревшими и проявляют себя только в пределах фразеологических оборотов, связанных по своему происхождению с библейскими мифами (о Сотворении мира и Всемирном потопе). Такими выражениями являются *Божья тварь* и *всякой твари по паре*.

В первом обороте реализуется значение «произведение, создание, творение». Это значение является исходным, первоначальным, прямо и непосредственно связанным с глаголом *творить*, на базе которого было образовано слово *тварь*. Отношения между *творить* и *тварь* («произведение, создание, творение») такие же, как между *создать* — *создание*, *производить* — *произведение*, *творить* — *творение*. От синонимических слов типа *творение* (сравните: *творения поэта*, *гениальные произведения* и т. д.) существительное *тварь* отличается лишь способом образования. Будучи таким же отглагольным именем, оно образовано не с помощью суффикса *-ниј(е) / -ениј(е)*, как его синонимы, а посредством перегласовки и темы *-i-* > *-ь* — точно так же, как слова вроде *гарь* (от *гореть*) и т. п.

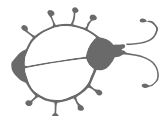
На базе значения «произведение, создание, творение» у слова *тварь* в старославянском языке, откуда оно было заимствовано нами, возникло значение «живое существо, животное». Сейчас оно реализуется четко и свободно лишь в рифмованном обороте *всякой твари по паре* — шутливом описании пестрой группы, восходящем к преданию о Всемирном потопе, во время которого Ной, спасшийся со своей семьей в ковчеге, для сохранения жизни на земле взял с собой по паре зверей, птиц и пресмыкающихся всех пород.

Именно эта «животная» семантика слова *тварь* и дала его современное бранное значение. Между прочим, вполне закономерное: достаточно лишь вспомнить бранную семантику синонимических слов типа *скотина*, *животное*, *зверюга*, а также видовых обозначений животных вроде *медуза*, *крокодил*, *змея*, *медведь*, *осел*, *собака*, *корова* и многих других.

В результате смысловых метаморфоз, как видим, современное и первичное значения нашего слова друг друга совершенно не напоминают. А вообще-то оказывается, что *небесное* (то есть Божье) *создание* и *тварь* — одно и то же. Недаром слово *создание* того же корня, что древнерусское существительное *здь* — «глина», а слово *тварь* — того же корня, что и прилагательное *твердый* (по Библии, Бог создавал животный мир из глины, делая ее твердой, то есть, в отличие от жидкой, имеющей определенную форму, сравните родственные древнерусское *творь* — «вид», литовское *tvėrti* — «придавать форму» и др.).

Жужу и жучка

Два этих слова связаны друг с другом (и это несомненно) принадлежностью к одному и тому же смысловому кругу «собачьих» названий. Некоторые ученые считают, что связь данных существительных является еще более тесной и «кровной», поскольку толкуют их как родственные, однокорневые слова.

М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка», в частности, говорит следующее: «*Жучка* “маленькая со-

бачка». Вероятно, от *жу́жу*. Едва ли прав Н. Горяев, принимая родство с *жук*»; «*Жужу* — собачья кличка (Н. Лесков и др.)... Вероятно, отсюда уменьшительное *жу́чка*».

Как видим, сомневаясь в объяснении существительного *жу́чка* Н. Горяевым, который трактует его как производное от слова *жук*, М. Фасмер в предположительной форме, правда довольно настойчиво, интерпретирует это название собаки как форму субъективной оценки от собачьей клички *Жужу*, представляющей собой переоформление французского *joujou* — «игрушка».

Между тем все факты, имеющиеся сейчас в нашем распоряжении, совершенно неопровержимо свидетельствуют о том, что выдвигаемое М. Фасмером толкование происхождения существительного *жучка* является неверным. Как, между прочим, и о том, что по своему происхождению это слово, несомненно, является родственным существительному *жук*. Что же это за факты?

Во-первых, наблюдается смысловое и стилистическое несоответствие слов *жучка*, с одной стороны, и *жужу* — с другой. Слово *жучка* обозначает дворовую непородистую собаку, по большей части черную, сравните: «Вот бегают дворовый мальчик, В салазки жучку посадив...» (А. Пушкин); «Возьми-ка у меня щенка любого От Жучки: я бы рад соседа дорогого От сердца наделить, чем их топить» (И. Крылов); «И тогда как одна часть бури ревет вокруг дома, другая... напала на беззащитную жучку, свернувшуюся клубком под рогожей» (Д. Григорович). Что же касается существительного *жужу*, то оно является наименованием комнатной собаки, сравните: «Дворовый верный пес... Увидел старую свою знакомку, Жужу, кудрявую болонку» (И. Крылов).

По своему употреблению слово *жужу* — элемент «смешения французского с нижегородским» — в народной речи неизвестное, в то время как существительное *жучка*, напротив, носит явно просторечный характер.

Во-вторых, *жука* (сравните: *черный жук*) и *жучку* (сравните в словаре В. Даля: «Жучка — кличка черной собаки») объединяет общий для них обоих признак — черный цвет (замечание В. Даля: «Вообще жук и производные его дают понятие о жужжании, о жизни и о черноте»). Тот же признак был положен в основу костромского *жукола* «черная корова» и вологодского *жучка* «чернорабочий».

В-третьих, в отдельных диалектах для обозначения черной собаки используется само слово *жук*. Как же возникло в русском языке слово *жучка*, отмечаемое уже в «Словаре Академии Российской» (1789–1794 гг.)?

По нашему мнению, не прямо на основе существительного *жук*, как можно подумать. Нам кажется, что слово *жучка* представляет собой видоизменение под влиянием слов типа *лайка*, *шавка*, *моська* и т. д. слова *жучко*, входящего в ту же словообразовательную модель, что и *гнедко*, *сивко*, *серко*, украинское *рябко* и т. п. (сравните: *сивка* < *сивко*, не без воздействия родового *лошадка*). Слово *жучко* употреблялось уже М. Ломоносовым и В. Майковым: «Жучко с ним бросился в бой» (М. Ломоносов); «Овцы здоровы и Жучко со мной» (В. Майков).

Таким образом, между словами *жужу* и *жучка* никаких родственных связей нет, родственником названию черной собаки *жучка* является *жук*.

Когда и как появились грамматические термины склонение и наклонение?

Термины *склонение* и *наклонение* становятся самыми привычными и известными для нас уже в школе. Без них представить себе существование глаголов и существительных просто невозможно.

Между тем далеко не все знают их биографию, а она любопытна и занимательна. Обратите внимание: эти термины обозначают совершенно разные морфологические явления, относящиеся к различным частям речи, но очень похожие друг на друга. Собственно говоря, в этимологическом разрезе морфемный состав этих слов отличается лишь одними приставками *с-* и *на-*, за ними в обоих терминах мы находим одно и то же *клонение*, соотносительное с глаголом *клониться* — «склоняться, сгибаться, опускаться, падать». Это поразительное сходство наших терминов, удивительно далеких как будто по своему смыслу, не случайно. Ведь, по существу, они имеют одних и тех же, причем не русских, родителей. Это греческие слова *klisis* и *enklisis*. Ведь слово *клонение* родилось как буквальный перевод, морфемный слепок греческого *klisis*, а слово *наклонение* появилось как точная копия греческого *enklisis*. Греческие оригиналы наших копий были первоначально еще ближе друг к другу, так как общими у них вначале были не только корни, но и значение.

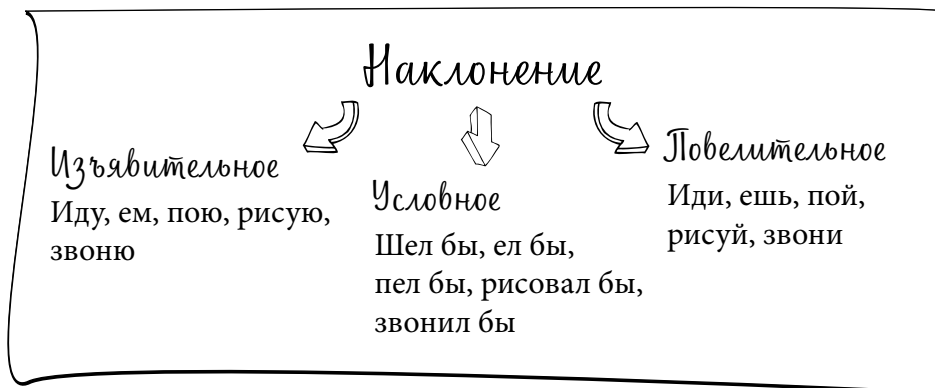
В качестве грамматических терминов эти слова исконно означали одно и то же, а именно морфологическое изменение слова (как *клонение*, так и *спряжение*). Специализация первого (*klisis*) на имени, а второго (*enklisis*) на глаголе произошла позже.

Заметим, что терминологическое значение у греческих слов возникло на основе соответствующей семантики исходных для них многозначных глаголов *klinō* и *enklinō* (приставочного производного от первого) — «склоняю, наклоняю, клонюсь, опускаюсь, падаю, кладу, лежу, поворачиваю, изменяю, изменяю по формам (то есть склоняю и спрягаю)» и т. д.

При калькировании греческих терминов нашими грамматиками был, между прочим, использован глагол *клонить*, того же корня и словесной семьи, что и греческое *klinō* (а также латышское *klans* — «наклон», древневерхненемецкое *hleinan* — «прислонять» и т. п.). Таким образом, слова *клонение* и *наклонение* предстают

перед нами как весьма своеобразные кальки, поскольку передача чужого корневого материала на нашей языковой почве была осуществлена с помощью генетически тождественного корня (*klin* было передано родным ему *клон*).

Слова *клонение* и *наклонение* обосновались в русской грамматической терминологии не одновременно и по-разному. Первое слово появилось несколько раньше, чем второе, оно встречается уже в «Адельфотисе» (Грамматика доброглаголивого еллино-словенского языка. Львов, 1691 г.). Термин *наклонение* впервые отмечается в «Грамматике» М. Смотрицкого. В «Грамматике» Л. Зизания (Вильно, 1596 г.) наклонение обозначается еще словом *образ*. Заметим, что еще раньше понятие наклонения выражалось словами *чин* и *злог*, а в самой древней статье «О осмих частех слова», переведенной с греческого языка на старославянский Иоанном, экзархом болгарским, передавалось словом *изложение*.

Термин *клонение*, по существу, предшественников не имел и укрепился сразу же, как только было введено соответствующее лингвистическое понятие. До него в «Донате» (русский перевод учебника по латинской грамматике Доната Элия был сделан Д. Герасимовым в 1522 г.) отмечается лишь *клонение* и *уклонение*.

Другой была судьба слова *наклонение*. Понятие о различных наклонениях глагола отражено, как было отмечено, уже в статье «О осмих частех слова». Однако хороший термин для него искали долго. И лишь у М. Смотрицкого наклонение наконец стало *наклонением*.

Характерно, что даже намного позже, у М. Ломоносова, рядом с новым термином (правда, значительно реже) употребляется и старый, зизаниевский — *образ*. Правда, именно у него в то же время это понятие впервые приобретает характер настоящего лингвистического понятия.

Вместе с общим понятием наклонения в научное обращение входили и порожденные им частные (вроде понятия изъявительного наклонения). Их фразеологическое выражение также варьировалось, пока не была найдена подходящая формула. Так, для обозначения изъявительного наклонения в статье «О осмих частех слова» употребляется выражение *повестное изложение*.

В «Донате» для этого используются словосочетания *указательный залог* и *указательный чин*, калькирующие латинское *modus indicativus*. В «Адельфотисе» мы находим уже *изъявительное изложение*, которое передает греческое *oristikē enklisis*. У Л. Зизания оно стало называться уже *указательным образом* или *изъявительным образом*. Он словно соединяет прилагательные «Доната» и «Адельфотиса» со своим собственным переводом (вообще-то более точным) латинского слова *modus* — «образ».

М. Смотрицкий ставит здесь последнюю точку, с одной стороны выбирая в качестве основы термина фразеологическую кальку с греческого «Адельфотиса» (*изъявительное изложение*), но одновременно заменяя в ней существительное *изложение* более точной (и близкой даже по корню, как вы уже знаете, см. выше) словообразовательной калькой греческого *eñklisis* — словом *наклонение*. Авторитет М. Ломоносова делает это новообразование М. Смотрицкого всеобщим.

Несколько слов о повелительном и условном (или сослагательном) наклонениях.

Термин *повелительное наклонение* пережил приблизительно те же метаморфозы, что и название изъявительного наклонения. В статье «О осмих частех слова» мы находим кальку с греческого *prostaktikē* — *повеленное изложение*, в «Донате», есте-

ственно, встречаем в виде *повелительный залог* или *повелительный чин* — кальку латинского выражения *modus imperativus*. В «Адельфотисе» модернизируется прилагательное и вместо *повеленного изложения* появляется *повелительное изложение*. Л. Зизаний (по образцу *изъявительный образ*) вводит *повелительный образ*. И наконец, у М. Смотрицкого повелительное наклонение получает свое современное имя.

Что касается сослагательного наклонения, то биография его названия значительно проще и короче. Этот термин ввел тот же М. Смотрицкий, «сфотографировав» по словам латинский фразеологизм *modus conjunctivus*. Параллельное обозначение этого наклонения (*условное наклонение*) родилось в русских грамматиках в конце XVIII в. как словный перевод французского термина *mode conditionnel*.

В «вине» винительного падежа

Вы никогда не задумывались, почему винительный падеж называется именно винительным, а не как-либо иначе? А над этим стоит подумать! Ведь достаточно сравнить значение слова *вина* и «амплуа» винительного падежа в парадигме склонения, чтобы сразу увидеть, что к вине он никакого отношения не имеет.

Совсем иное — названия подавляющего большинства других падежей. Они абсолютно прозрачны по своему морфемному составу и очень «идут» называемым падежам, особенно если иметь в виду их конкретный падежный характер.

В самом деле, открывающий парад падежей именительный падеж — это падеж, который просто что-либо или кого-либо называет, именуется, поэтому он и прозывается *именительным*. А вот последний падеж парадигмы — *предложный* — получил такое имя

из-за своей несамостоятельности: слова в форме предложного падежа употребляются сейчас в русском языке только в сочетании с тем или иным предлогом (сравните: *на столе, в саду, о слове, при жизни* и т. д.). Так он был, между прочим, окрещен М. Ломоносовым.

Такого же типа и «говорящие» названия дательного и творительного падежей (сравните: *брату, руке, братом, рукой* и т. д.), соотносительные в своих значениях с глаголами *дать* (кому-либо или чему-либо) и *творить* — «делать» (чем-либо).

Ясным и простым является также название звательного падежа, морфологически оформлявшего раньше обращения, то есть слова «зовущие», обозначающие, называющие лица и предметы, к которым обращена речь (сравните: *отче, Боже, врачу* в обороте *врачу, исцелися сам* и т. д.). Правда, ясность и простота этимологического состава перечисленных названий не мешает большей части из них иметь довольно сложную и запутанную биографию в нашей речи. Но это уже особая статья.

Ведь признак, положенный в их основу, мы и сейчас ощущаем четко и определенно. А вот связь термина *винительный падеж* и слова *вина* кажется если не отсутствующей вовсе, то по крайней мере странной и случайной. Действительно, разве есть что-нибудь общее между *виной* и *винительным падежом*? Уж не ошибка ли связала эти два слова? Такое предположение может не без оснований показаться сомнительным (ведь нет же такого в названиях других падежей!).

Тем не менее подобное объяснение мы находим даже в таком солидном словаре, каким является «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера: «Винительный падеж — калька латинского *casus accusativus*, последнее из греческого *aitiatikē* (*ptōsis*), первоначально от *aitiatos* — “вызванный, причиненный”, то есть “падеж, обозначающий результат действия”. В русском языке отражен неверный перевод с латинского: “винительный, то есть падеж обвинения”». Как видим, виной появления термина *винительный падеж* М. Фасмер считает ошибочный перевод латинского словосочетания *casus accusativus*.

Так ли это на самом деле?

Изучение истории грамматических терминов в русском литературном языке показывает, что оборот *винительный падеж* появился в нем иначе. Никакой ошибки не было, все было правильно и не так. Сочетание *винительный падеж* впервые появилось в грамматике Л. Зизания на базе более раннего оборота *виновный падеж* в результате аналогического подравнивания по модели на *-тельный*. У Л. Зизания эти два термина (*виновный падеж* и *винительный падеж*) употребляются еще рядом. Не является первичным и термин *виновный падеж*: он возник в результате замены слова *падение* словом *падеж* на основе оборота *виновное падение*. Последний встречается уже в статье «О осмих частех слова» (в переводе Иоанна, экзарха болгарского) и представляет собой непосредственную фразеологическую кальку греческого *aitiatikē ptōsis*. Да, но греческое выражение буквально означает «причинный падеж», ведь *aitia* — это «причина». Значит (могут сказать сомневающиеся), ошибка в переводе пусть не с латинского, а с греческого все же налицо? Нет, никакой вины Иоанна, экзарха болгарского, здесь нет.

Не надо только забывать старых, ныне уже устаревших значений слов.

А слово *вина* имело в старославянском и древнерусском языках, кроме современного значения, также и значение «причина», *aitia*, *causa* (сравните, например, в послании митрополита Никифора Владимиру Мономаху: «Врачеве первую вину недуга пытаются», то есть «Врачи узнают основную причину болезни»). Так что никакой языковой ошибки в возникновении термина *винительный падеж* не существует. И виной (то есть причиной, употребим это слово в старом, сейчас архаическом значении) рождения *винительного падежа* была не ошибка переводчика, а выбор им при переводе такого слова, которое свойственного ему прежде значения уже не имеет.

В спряжении и падежах

Большинство грамматических терминов русского языка так или иначе отражает соответствующие обозначения греческих

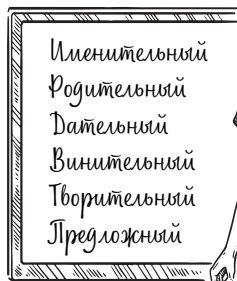
грамматик древности. Указанные в заглавии названия в этом отношении не являются исключением.

Слово *спряжение* появилось для обозначения соответствующих изменений по лицам довольно поздно. Оно является неологизмом М. Смотрицкого (см. ниже) и родилось, несомненно, на базе более раннего термина *супружество* (того же корня), имевшего в XVII в. довольно длительную и прочную традицию употребления. Он, кстати, употребляется уже в статье «О осмих частех слова», в «Адельфотисе» и у Л. Зизания. Чем объяснить эту замену? Скорее всего, она объясняется двумя причинами: 1) стремлением М. Смотрицкого устранить из сферы грамматической терминологии слово, имеющее очень употребительный бытовой омоним *супружество* — «брак»; 2) стремлением однотипно назвать изменение по лицам глагола и изменение по падежам имени, а в связи с этим ориентацией на образцы в виде *склонение* и *наклонение*.

Ответ на вопрос о том, как, в частности, возникло слово *склонение*, содержится в заметке «Когда и как появились грамматические термины *склонение* и *наклонение*?».

Первоначальное *супружество* («спряжение») — старославянизм, совершенно точно калькирующий греческий термин *syzygia*, исходно обозначавший, между прочим, словоизменение в целом (как спряжение, так и склонение). Так что объединение спряжения с падежами в заглавии не столь уж странное. В греческом языке этот термин возник на базе слова *syzygia* в значении «связь, соединение; парная упряжка; пара, брак». Как видим, и там понятие спряжения сопрягалось с понятием соединения, связи, *супружества*.

Термин *падеж* впервые отмечается в «Адельфотисе» (конец XVI в.). Он сменил употреблявшееся до этого слово *падение*, появившееся в русском языке как старославянизм (*падение* — словообразовательная калька греческо-

го *ptōsis*). Книжный характер слова *падеж* определил его своеобразную огласовку с *e*, а не *o* под ударением. В омонимическом существительном устной бытовой речи *падёж* (сравните: *падёж скота*) отклонения не наблюдается и произносится [ʼo].

О названиях конкретных падежей попутно уже говорилось в заметке «О “вине” винительного падежа». Несколько добавлений.

Название *именительный падеж* появляется у М. Смотрицкого. До этого исходный падеж именной парадигмы называли то *правым падением*, то *именовательным падением*, то *именовным падежом* (греческое *onomastikē ptōsis*).

Тот же родитель и у *родительного падежа*. Этот термин также идет от М. Смотрицкого и сменил прежние терминологические сочетания *родный падеж*, *родственное падение*, *родное падение* (от греческого *genikē ptōsis*).

А вот название дательного падежа было знакомо грамотным людям и до М. Смотрицкого. Между прочим, именно оно (вместе с именем звательного падежа) послужило образцом, по аналогии с которым создавались остальные падежные «фамилии».

Фразеологическое сочетание *дательный падеж* появляется одновременно со словом *падеж* в «Адельфотисе». Оно сменило более старый термин *дательное падение*, который является дословным переводом соответствующего греческого грамматического термина *dotikē ptōsis*.

Творцом современного имени творительного падежа, как и винительного, был, вероятно, Л. Зизаний. Во всяком случае, первый раз этот термин мы видим в его книге «Грамматика словенска совершеннаго искусства осми частей слова и иных нуждных» (Вильно, 1596 г.).

О предложном падеже говорилось уже в заметке о винительном. Его название — изобретение М. Ломоносова, до этого он носил имя, данное ему М. Смотрицким, — *сказательный* (говорить — сказать о чем-нибудь).

Осталось сказать два слова о последнем — звательном — падеже. Его название родилось, вероятно, вместе с наименованием

дательного в «Адельфотисе» в результате замены в старом обороте *звательное падение*, встречающемся еще в статье «О осмих частех слова», слова *падение* существительным *падеж*. Исходный оборот *звательное падение* — калька греческого синонима *klētikē ptōsis*.

Как можно видеть, названия падежей создавались у нас с оглядкой на греческие прототипы при переводе грамматик, если, конечно, не были заимствованы из старославянского. Греческие грамматики заимствовали, очевидно, понятие *ptōsis* (откуда идет наш *падеж*) из игры в кости. Буквально *ptōsis* значит «падение брошенной кости той или иной стороной кверху». Та или иная падежная форма сравнивается с той или иной стороной игральной кости.

Откуда получают имена реки?

С севера на юг и с юга на север, сквозь леса и степи, торопливо и медленно текут большие реки и маленькие речушки — голубые дороги земли. Все они имеют свое имя, которое или сразу (сравните: *Донец, Сосновка, Ржавец, Невка* и т. д.), или после соответствующего анализа, иногда очень глубокого и тщательного (сравните: *Волга, Десна, Яуза, Луга* и пр.), говорит нам о том, чем когда-то обратила на себя внимание народа та или иная река. Тем самым, так сказать, имя говорит само за себя. Что же кладется говорящими в основу «речных» наименований и какую структуру они имеют?

Название реки представляет собой, как правило, слово, указывающее на какой-нибудь ее признак: в одном случае характер течения, в другом — цвет и вкус воды, в третьем — размер, в четвертом — особенности дна, в пятом — местность, где она течет, или береговая растительность и т. д.

Реку *Омь*, на которой стоит большой промышленный город Омск, называли так за ее плавное и медленное течение (на языке барабинских татар слово *омь* значит «тихая»).

По тому же признаку дали имя и Амуру. Амур окрестили *Амуром*, также имея в виду его спокойное течение (по-монгольски *амур* — «спокойный»). *Быстрицу* и *Торопу* (правый приток Западной Двины), напротив, назвали так за их быстрое, «торопливое» течение.

За тот же самый беспокойный нрав были названы *Проней* правые притоки Оки и Сожа (от чешского *pron* — «стремительный, буйный») и правый приток Днестра *Стрый* (с тем же корнем, что *стремя* («быстрое течение») и *стремительный*). *Хуанхэ* получила свое имя по цвету воды (на китайском языке *хуан* значит «желтый», а *хэ* — «река»), точно так же, как несколько рек под именем *Белая* и *Аксу* (по-тюркски *ак* значит «белая», а *су* — «вода»).

Таких «цветных» имен у рек очень много. Вспомните хотя бы реки *Красную* (в Китае и на севере Вьетнама) и *Колорадо*. Последнее название происходит из испанского языка, где *Rio Colorado* значит «река Красная». Колорадо была названа так за красноватую от глины размываемых течением каньонов воду.

Похожее наименование имеют частые в европейских странах *Рудни*, получившие имя за красноватый и бурый оттенок воды (от глины или болотных руд), сравните диалектное *рудой* — «рыжий».

Характеристику черной речки получила за соответствующий цвет воды река *Мста* в Новгородской области, впадающая в озеро Ильмень (в западных финно-угорских языках *musta* значит «темная, черная»).

Считают, что молочные реки текут (обязательно в кисельных берегах) только в сказках. Но это неверно. С речкой *Молочной* мы встречаемся и в Приазовье, и в бассейне Днепра. Эти реки получили такое имя за «молочный», мутноватый цвет воды.

За извилистый характер русла, вероятно, была названа река *Уж*, на которой стоит город *Ужгород*.

Как и река *Уж*, за изогнутость и повороты названы *Случью* притоки Припяти и Горыни: слово *случь* образовано от прилагательного *слукый* — «кривой, изогнутый» (того же корня слова *лук* — «орудие стрельбы», *излучина*, *лукавый*, *лукоморье* и т. д.).

Река *Вязьма* получила свое название по другому признаку: ее назвали так за вязкое, илистое дно. С этой точки зрения ее «однопризнаковой» тезкой является название такой реки, как *Миссури* (на языке индейцев Северной Америки *миссури* значит «илистая»). Напротив, по каменистому дну названы многочисленные *Каменки*. А вот река *Кума* на Северном Кавказе «позаимствовала» свое название у песчаного дна (по-тюркски *кум* значит «песок»; сравните: *Каракумы* — «черные пески»).

Горьковатый вкус воды (от солончаков) был виновником имени левого притока Дона — *Маныч* (по-тюркски *манач* означает «горький»).

Что же касается *Донца* (его называют Северским или Северным) и реки *Великой*, впадающей в Псковское озеро, то они названы так по размеру. Слово *Донец* образовано от имени *Дон* с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-ец*: *Донец* — это маленький *Дон*. *Великая* — значит «большая». Конечно, размер в данном случае определяется не абсолютно, а относительно: *Донец* сравнивается с рекой, в которую он впадает, а *Великая* — с реками, текущими поблизости.

А вот реки *Липовка*, *Ольшанка*, *Вязовка* были так названы по береговой растительности, за липы, ольхи и вязы по их берегам.

Более общее наименование получили маленькая *Дрезна*, впадающая в Клязьму около Москвы (сравните диалектное *дрезда* и *дрезна* — «лес»), и одна из самых больших рек мира *Конго* (на языке банту это слово значит «горы»).

Разнообразны, как видим, не только речные истоки, но и языковые источники речных имен. Иногда собственным именем реки становится нарицательное существительное со значением «река» (см. об этом в заметке «О Волге и влаге»).

Строение и история речных названий могут быть самыми различными. Ответ на вопрос, откуда получают имена реки, может, так сказать, лежать на поверхности и быть видным невооруженным глазом. Но иногда, как уже сообщалось, говорящим имя реки становится лишь в результате его этимологического разбора. Так, река *Багва* получила название по своей «болотистости»: *Багва* родственно диалектному *багно* («болото») и возникло из старого *Багы* (как *Москва* из *Москы* и т. д.). Топоним *Угра* этимологически может быть истолкован либо как «угристая река», либо как «извилистая, со многими изгибами». Река с именем *Яуза*, содержащим старую уменьшительно-ласкательную приставку *я-* и *-уза* — «связь» (*Яуза* — буквально «связка»), названа так потому, что связывает одну речку с другой, и т. д.

О Волге и влаге

Всем хорошо известна великая русская река Волга. Если самим не приходилось бывать на ней, то, во всяком случае, «лично» знакомы с ней по школьному курсу географии и нашим песням. А вот название этой реки для многих, вероятно, загадка. Почему у красавицы Волги такое странное имя, напоминающее по своему звучанию существительное *влага*?

Даже для видных специалистов по гидронимии (то есть по названиям всевозможных водных объектов: морей, рек, озер и т. д.) долгое время название *Волга* было «книгой за семью печатями».

Впрочем, такая участь не у одной Волги. Подавляющее большинство больших рек, названных давно и очень часто еще не русскими, носят точно такие же — с первого взгляда загадочные и непонятные — имена. Ведь в отличие от больших городов большие реки своих имен не изменили с древнерусской эпохи. Достоверно известен лишь случай

переименования реки Яик, по «высочайшему повелению» Екатерины II после подавления Пугачёвского восстания, получившей (по горам, в которых река берет свое начало) название Урал.

В настоящее время, несмотря на несколько гипотез, в которых слово *Волга* толкуется по-другому, можно считать установленным, что название Волги является не заимствованным, а исконно русским, более того — свойственным также и некоторым другим славянским языкам. Об этом свидетельствует и география этого слова, и его фонетическая структура, и, наконец, его «нарицательный первоисточник». Поэтому совершенно напрасно В. Никонов (см. его «Краткий топонимический словарь» 1966 г.) считает, что с толкованием слова *Волга* как исконно русского может и сейчас соперничать объяснение его как заимствования из финских языков (сравните финское *valkea*, эстонское *valge* — «белый, светлый»); как правильно указывает М. Фасмер, объяснение названия *Волга* из соответствующих финских прилагательных «невозможно фонетически» (М. Фасмер. «Этимологический словарь русского языка»).

Кстати, о невозможности объяснения слова *Волга* как заимствования из финских языков говорит и география этого имени: *Волги* есть не только в России, но и в Польше, а также в Чехии, где финские гидронимы такого типа абсолютно исключены. В Чехии течет река *Влха* (*Vlha*), относящаяся к бассейну Лабы, в Польше такое название — *Вильга* (*Wilga*) — носит река бассейна Вислы.

Как раз эти тезки нашей Волги и позволяют восстановить древнейшую фонетическую структуру разбираемого гидронима. В праславянскую эпоху это слово звучало как **Vьlga*, принадлежа к образованиям с сочетанием «редуцированный плюс плавный» между согласными типа *волна* (сравните с чешским *vlna*), *волк* (сравните с чешским *vlk* и польским *wilk*), *долг* — «обязанность» (сравните с чешским *dluh*), *болтать* (сравните с польским *betać*) и т. д.

Форма **Vьlga* изменилась в форму *Волга* в связи с тем, что перед отвердевшим *л ь* изменился сначала в *ѣ*, а затем после падения редуцированных проявился (перед плавным между согласными *в* и *з*) в гласный полного образования *о*. Какой же признак был положен славянами в основу названия *Волга*? Почему Волга была названа именно так, а не как-либо иначе? Об этом без утайки говорит «нарицательный первоисточник» слова *Волга* — исчезнувшее прилагательное **vьlga* — «влажная, мокрая» (сравните польское *wilgość* — «влажность»), с одной стороны, отложившееся в глаголе *волгнуть* — «становиться влажным», прилагательном *волглый*, а с другой — близкородственное (поскольку имеет ту же основу, но с перегласовкой *о/ь*) существительному *влага*, или — слово *влага* заимствовано из старославянского языка — древнерусскому *волога* — «жидкость, вода».

Как видим, звуковое сходство слов *Волга* и *влага* не является случайным: это слова с одним и тем же корнем. Волга названа так просто потому, что она река, то есть поток, текущая вода, влага.

Заметим, что процесс превращения нарицательного существительного со значением «влага, вода, текущая вода, река» в собственное имя — широко распространенное явление, очень характерное для гидронимии. В качестве примеров можно привести хотя бы слова *Москва* (из старого *Москы*, родительный падеж *Москъве*, родственного словам *промозглый*, диалектному *мзга* — «мокрый снег с дождем» и т. д.; сложное наименование *Москва-река* закрепилось за рекой после того, как исходное стало именем города), *Дон* (сравните древнеиндийское *дану* — «сочающаяся жидкость», осетинское *дон* — «вода, река»), *Охота* (по которой названо *Охотское море*; из тунгусо-маньчжурского *оката*, буквально — «вода, река»), *Обь* (из иранского *аб* — «вода, река»), *Парана* (от индийского *пара* — «вода, река»), *Нигер* (из туарегского *н'егирен* — «текущая вода, река»), *Юг* (из финского *йокки* — «река, вода»), правый приток днепровской Десны *Снов* (из **snovъ* — «текущая вода») и др. Отмеченные факты — еще один (правда, косвенный) аргумент, свидетельствующий о «кровном» родстве слов *Волга* и *влага*.

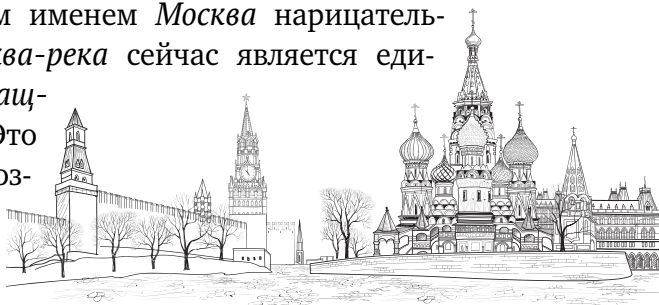
Как называются города?

В заметке «Откуда получают имена реки?» было рассказано о том, как возникают наименования рек, почему и когда их окрестили именно так, а не иначе. А как называются города? Что принимается во внимание, когда дается наименование тому или иному городу?

Многие города называются по имени той реки, на которой они находятся.

Так, город Москва, стоящий, как известно, на реке Москве, «присвоил» себе ее имя. Имя *Москва* настолько тесно связалось с городом, что одноименную реку сейчас называют не иначе как употребляя рядом с собственным именем *Москва* нарицательное существительное *река*. *Москва-река* сейчас является единственным словом, подобно словам *палатка* или *платье-костюм*. Это новое имя для реки Москвы возникло в связи с тем, что старое стало восприниматься только как имя города.

Как город, получивший свое имя по реке, на которой он расположен, может быть указан Тирасполь. Правда, река, на которой он расположен, называется *Днестр*, но дело в том, что при наименовании этого города (он был основан в 1792 г. А. Суворовым) использовалось не современное исконно русское название реки Днестр, а имя, которым в свое время называли его древние греки, — *Тирас* (Tyrag). Давая имя новому городу, наши предки к слову *Тирас* прибавили по образцу названия *Севастополь* корень *-поль* (polis), что по-древнегречески значит «город». Таким образом появился *Тирасполь*, буквально — «город на Днестре».

От реки Витьбы, притока Западной Двины, получил свое имя город Витебск. Определенно говорит своим именем о местопо-

ложении на реке Сестре город Сестрорецк. Ну а Великий Устюг? Этот город назван так потому, что он стоит на реке Сухоне неподалеку от устья реки Юг, впадающей в Сухону.

Почему так часто использовались для обозначения городов имена рек? Это вполне понятно, ведь многие города возникали и, как правило, возникают на реках.

Конечно, местоположение города в момент его основания может быть и иным. Города могли возникать по берегам озер и морей, в таких случаях они получали имена в соответствии с названием озера или моря: *Белозерск, Балтийск, Каспийск* и т. д.

Города появлялись в лесных дебрях (отсюда, например, название *Брянск* из более старого *Дьбрянскѣ*), в долинах (например, город *Долина* в Ивано-Франковской области Украины), по соседству с минеральными источниками (например, *Серноводск, Железноводск*) и т. д.

Но чаще всего города появлялись все же на реках. Вот поэтому-то многие названия городов перекликаются (если не совпадают полностью) с именами рек. «Речные» в своей основе имена городов по строению и образованию могут быть различными. Однако можно наметить здесь две большие и продуктивные однотипные группы.

Одну группу составляют такие названия городов, которые являются как бы эхом имени реки. Слова типа *Нарва, Вологда, Пярну, Луга, Мшим, Онега, Дрисса, Жиздра, Хатанга, Печора* и т. д. — это названия городов, в точности повторяющие имена рек.

Значительно интенсивнее растет и обогащается новыми образованиями другая группа, в которую входят слова с суффиксом *-ск-*. Кольцо в таких словах указывает на реку, около которой стоит город. Что касается суффикса, то он как бы сигнализирует нам, что слово является названием

города. Действительно, ни в каких других существительных, кроме имен городов, этот суффикс не встречается. В эту группу входят названия городов *Иркутск, Тобольск, Томск, Омск, Пинск, Орск, Ейск, Вилюйск, Енисейск, Задонск, Приволжск* и многие другие.

С «речными» названиями городов по количеству и продуктивности можно сравнить лишь такие названия, которые появились на основе фамилий. По своей структуре они, как и «речные» названия, различны.

«Одно и то же» слово обозначает и лицо, и город. Однако слова «одно и то же» взяты нами в кавычки. Это сделано не случайно. Несмотря на родство (город назван в честь лица) и одинаковое написание и звучание, это два разных слова, два омонима, вроде слов *мир* («вселенная») и *мир* («противоположное войне»). О том, что это разные слова (если они склоняются) говорит, в частности, и их склонение. В творительном падеже будет, например: *с юным Пушкиным, но под городом Пушкином*.

Как фамилии стали использоваться для названий городов? Почему они свободно употребляются как имена городов? Для того чтобы понять это, вспомним, как появилось название *Ярославль* и что представляют собой по происхождению русские фамилии.

Слово *Ярославль* является перешедшим в существительное притяжательным прилагательным, образованным от имени *Ярослав* с помощью суффикса *-j-* (*-vj-* дало *-вль*, сравните: *ловить* — *ловля*). Название города *Ярославль* возникло из словосочетания *Ярославль городъ* — «город Ярослава». Этот населенный пункт был основан киевским великим князем Ярославом Мудрым (как полагают, в 1010 г.).

Притяжательными прилагательными первоначально были также и такие слова, как *Киев* (первоначально *Киевъ городъ*, то есть «город Кия»), *Алексин* (город в Тульской области на реке Оке; первоначально *Алексинъ городъ*, то есть «город Алексы», *Алекса* — сокращение имени *Александр*) и т. п. Слов, подобных словам *Киев, Алексин*, значительно больше, чем названий типа *Ярославль* (сравните: *Лихославль, Переяславль, Путивль* и некоторые другие). И это понятно.

Притяжательные прилагательные чаще всего образовывались с помощью суффиксов *-ин* и *-ов*. Такими же притяжательными прилагательными являются по происхождению и русские фамилии типа *Петров*, *Гаврилин* и др. Только они возникли не из сочетания притяжательного прилагательного со словом *город*, как названия городов, а из сочетания притяжательного прилагательного со словом *сын*. Ведь современные фамилии — это прежние отчества: *Петров* появилось из *Петров сын*, *Гаврилин* — из *Гаврилин сын* и т. д. Это общее происхождение и структура фамилий и городских названий типа *Киев*, *Алексин* и явились предпосылкой для употребления фамилий как названий городов.

Среди них в новое время появились и такие, которые в своем составе суффиксов *-ов*, *-ин* не содержат (например, *Жуковский* и др.). Однако подавляющее большинство «фамильных» имен городов оканчивается на *-ов* и *-ин*. Именно поэтому в народной речи некоторые имена городов, звучавшие ранее по-другому, начинают звучать как слова на *-ов* и *-ин*. В этом сказывается влияние внешней формы основного типа. Мы, например, напрасно будем искать в названии *Саратов* слово, от которого было образовано это на первый взгляд «притяжательное прилагательное». Почему? Да потому, что такого прилагательного никогда не было. Конечное *-ов* в слове *Саратов* появилось по аналогии с *Дмитров*, *Киев* и т. п. На самом деле слово *Саратов* является заимствованным из тюркских языков и звучало раньше, как *Сарытау* (*сары* — «желтый», *тау* — «гора»).

С названиями городов, точно соответствующими фамилиям, конкурируют другие. Это такие слова, в строении которых есть указание на их значение, именно на то, что они являются именем города.

Одну группу составляют слова с суффиксом *-ск*: *Хабаровск*, *Мичуринск* и т. д. Как и в «речных» названиях городов, этот суффикс указывает здесь на город. Другую группу образуют слова,

отличающиеся от фамилий наличием в их составе конечного -о (по происхождению окончания именительного падежа единственного числа притяжательного прилагательного среднего рода). Правда, среди названий городов их меньше, нежели среди названий мелких населенных пунктов (сел, деревень, поселков и т. д.). Такого рода модель возникла на базе сочетания притяжательного прилагательного со словом *село*. Например, название *Борисово* возникло на основе словосочетания *Борисово село*, то есть «село Бориса».

Села впоследствии вырастали в города, но названия оставались прежними: *Сасово*, *Ртищево*, *Синельниково* и т. д. Сейчас имена городов такого рода образуются от соответствующей фамилии сразу, с помощью прибавления к ней -о. Такого происхождения имена городов *Пушкино* (Московская область), *Репино* (Ленинградская область) и т. д.

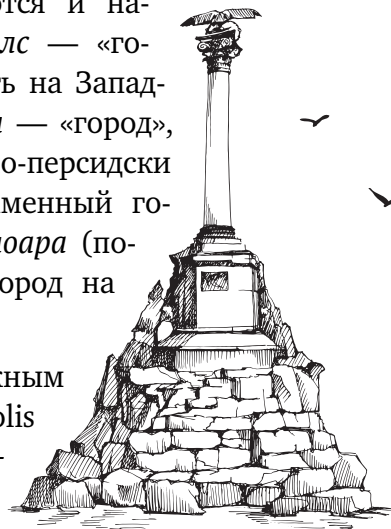
Третья группа состоит из сложных слов на *-град* и *-город* (*Волгоград*, *Калининград*, *Зеленоград*, *Новгород*, *Миргород*, *Ужгород*, *Белгород*, *Ивангород* и др.). Сложные имена, вторая часть которых является корнем со значением «город», наблюдаются не только в географических названиях славянского происхождения, каким является, например, *Белград* в Сербии. Они имеются и в таких топонимических названиях, которые по происхождению являются неславянскими. «Город» по-немецки *бург* и *штадт*. В качестве составных частей эти слова мы встречаем в именах *Гамбург*, *Эйзенштадт*, *Зальцбург* и т. д. В английском языке сродни нашему слову *город* по значению корни *таун*, *сити*, *полис* и *вилл*. Отсюда названия *Джорджтаун* (Малайзия), *Атлантик-сити*, *Канзас-сити*, *Индианаполис*, *Джэксонвилл* (США), *Флорианополис* (Бразилия) и т. д.

В Средней Азии и в Афганистане имеется ряд городов, оканчивающихся на *-абад*. Например, *Ашхабад* в Туркменистане, *Джелалабад* в Афганистане. Корень *-абад*, выступающий в этих словах в качестве второй части сложения, имеет тоже значение «город».

Таковыми же по своей «анатомии» являются и названия городов *Даугавпилс* (по-латышски *пилс* — «город», буквально — «город на Даугаве», то есть на Западной Двине), *Дунайварош* (по-венгерски *варош* — «город», буквально — «город на Дунае»), *Ташкент* (по-персидски *кент* — «город, селение», буквально — «каменный город», от тюркского *таш* — «камень»), *Тимишоара* (по-румынски *оара* — «город», буквально — «город на реке Тимиш») и т. д.

Наконец, родственными указанным сложным именам являются слова с *-поль* (греческое *polis* значит «город»), например *Севастополь*, *Симферополь*, *Никополь*, *Ставрополь*, *Мариуполь*, а также *Тирасполь*.

Но близость русских и иноязычных сложных названий городов может быть еще большей. Семантически одними и теми же оказываются не только вторые части, но и первые.

Вот, например, *Неаполь* в Италии. Перевод частей, из которых состоит это название, показывает, что его назвали так по той же причине, что и наш Новгород. Это, так сказать, итальянский «Новгород»: по-гречески *polis* — «город», а *neos*, *неа* — «новый, новая». Слово *polis* в греческом языке женского рода, поэтому в названии города ему предшествует «определение» в форме женского рода *неа*. Напомним, что интересующий нас город был основан древними греками. Точным переводом слова *Петербург*, его двойниками (но не с немецкой, а с греческой и старославянской второй частью) являются слова *Петрополь* и *Петроград*.

Но вернемся к обзору продуктивных моделей, по которым образуются названия городов в нашем языке.

Очень многие городские имена представляют собой сложные слова со второй частью, звучащей как *-горск*: *Нефтегорск*, *Пятигорск*, *Зеленогорск*, *Магнитогорск*, *Углегорск*, *Белогорск* и др. Большинство этих названий также связано с разнообразными группами сложных имен городов (на *-град* и *-город*) и выступают как слова, возникшие на базе словосочетаний, включающих *город*.

Однако среди этих названий есть и такие, в которых часть *-горск* обозначает иное. *Пятигорск* — город около Бештау, горы с пяти вершинами; *Магнитогорск* — город около горы Магнитной. Часть *-горск* в этих словах складывается из основы *-гор(а)* и суффикса *-ск*.

Именно такого рода слова послужили образцом для возникновения слов типа *Дивногорск*. Опорная основа *-горск* перестала связываться с породившим его словом *гора* и отождествилась с частью *гор-* в слове *город*. Следовательно, при определении образного характера и структуры слова на *-горск* надо быть осторожным.

Одни слова на *-горск* представляют собой «горные» названия городов (сравните: *Дивногорск*, *Змеиногорск*, *Медногорск*, *Медвежьегорск*, *Бокситогорск*, *Белогорск*, *Высокогорск* и т. д.). В других морфема *-горск* равна морфеме *-град* или *-город* (это мы видим, например, в топонимах *Светогорск*, *Электрогорск*, *Углегорск*, *Нефтегорск*, *Зеленогорск*, *Красногорск*, *Мончегорск* — буквально «город на Мончагубе» и др.).

В последнее время продуктивной моделью городских названий стали «прилагательные» имена городов. Это слова типа *Грозный*, *Верный*, в XIX в. бывшие единичными. Сейчас такие топонимы (исходно в виде качественных и относительных прилагательных мужского рода) появляются очень часто: *Мирный*, *Изобильный*, *Волжский*, *Отрадный*, *Заозерный*, *Долгопрудный*, *Железнодорожный*, *Горячеводский* и т. д.

Таковы наиболее яркие и многочисленные группы городских имен. Кроме них, есть и такие, которые регулярными не являются и состоят из отдельных изолированных слов, например *Павлодар*, *Владивосток*, *Владикавказ*, *Усть-Кут*, *Усть-Урень*, *Орехово-Зуево* и некоторые другие.

Боле того, многие города, подобно большинству крупных рек, имеют весьма своеобразные имена, не похожие на другие ни происхождением, ни строением. В отличие от рассмотренных

выше имен, в своей массе сравнительно новых, это названия, возникшие очень давно. Приведем два примера. В Тверской области есть город *Бологое*, недалеко от Москвы находится город *Бронницы*. Почему они так названы? Какие имена образованы так же?

Бологое — это древнерусское прилагательное того же значения, что и слово *хорошее*. Сейчас как прилагательное в русском литературном языке оно не употребляется, вместо него бытует старославянская форма *благое* (сравните: *благая мысль*, *благый совет* и т. д.). *Бологое* (первоначально это было село) названо по качеству и значит «хорошее». Так же названы, например, города *Болотное* (Новосибирская область), *Раменское* (Московская область; *раменское* — буквально «лесное»).

Совершенно другой признак был положен в основу названия *Бронницы*. Это село, ставшее с течением времени городом, было названо так по основному занятию его жителей. Здесь раньше жили бронники, изготавливавшие броню. Такого же типа имена *Вязники* (Владимирская область) и *Чашники* (в Беларуси). Слово *Бронницы* отличается от них лишь тем, что оно сохранило старую форму именительного падежа множественного числа со звуком *ц* на месте звука *к*.

Такие городские имена требуют особого, индивидуального подхода, и рассказать их биографию можно только тогда, когда мы призовем на помощь этимологию, историю и географию. О некоторых интересных и забавных названиях городов будет далее рассказано отдельно.

О городке Тородке

В Витебской области Беларуси есть небольшой городок, который носит название *Городок*. Не правда ли, забавное и интересное имя, сразу говорящее нам и о городском характере населенного пункта, и о его небольшом размере? Как видим, и здесь, подобно наименованиям рек (сравните: *Эбро* в Испании — из баскского *эбр* — «река», правый приток Енисея *Кан* — из тунгусо-маньчжурского *кан* — «река» и т. д.), нарицательное существи-

тельное могло прямо и непосредственно переходить в собственное и название города, вообще становиться именем какого-либо одного города. Только в наименование города здесь превращается не современное существительное *город* со значением «крупный населенный пункт, являющийся административным, торговым и промышленным центром», а слово *город* в своем старом, исходном значении «укрепление, крепость, огороженное место, забор», близкородственное словам *городить* и *огораживать*, *загородка*, *ограда* и т. д.

Таким образом, выражение *городок Городок* только с точки зрения нашего языкового сознания выступает как полный повтор. По своему происхождению нарицательное *городок*, давшее топоним *Городок*, значит не «маленький город», а «небольшое огороженное поселение, крепостца, укрепление». Действительно, в Городке на правом берегу реки Городжанки и поныне сохранились остатки земляного вала.

Сходное с тем, что мы отметили по поводу названия *Городок*, наблюдается в биографии имени небольшого города Нижегородской области России — *Городец*.

Хотя В. Никонов в «Кратком топонимическом словаре» пишет, что нарицательное *городец* буквально значит «маленький город», это не так. И здесь собственное городское имя восходит к существительному *городец* в значении «маленькая крепость, укрепление». Об этом правильно писал еще В. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка»: «Городец —

маленький городок, крепостца, укрепленное тыном местечко, селение; в Нижегородской губернии есть большое село Городец, с остатками земляных укреплений».

Топонимами *Городок*, *Городец* и *Городище* (*Городищи*) городские имена «крепостного» характера не ограничиваются. В этот же ряд входит и название города *Острог* (Украина). Оно также родилось из нарицательного *острог*, имевшего в древнерусском языке значение «огороженное место, укрепление, крепость», а также еще более древнее «частокол, ограда из заостренных вверху кольев».

Разница между городком (или городцом) и острогом заключалась, таким образом, в том, что последний делался наскоро и обносился оградой из бревен, а первый требовал времени и рубился стеной, с углами, башнями и бойницами. Впоследствии слово *острог* сузило свою семантику (теперь также устаревшую) и стало обозначать тюрьму.

Естественно, что подобные городские названия наблюдаются и в других языках. Достаточно указать хотя бы на испанский город *Бургос*, имя которого восходит к вестготскому слову *burg* — «замок, крепость».

Болград и *Транвиль* —
маленькие «большие города»

Эти разные по географической семантике и происхождению городские названия являются, вероятно, не только однородными членами предложения в заглавии заметки. Они, скорее всего, однородны и по своей образной структуре. А это с полным правом позволяет охарактеризовать их как особых топонимических тезок, в своем морфемном составе (правда, средствами разных языков) повторяющих друг друга.

Нам уже приходилось говорить об этом явлении в заметке «Как называются города?», касаясь *Новгорода* и *Неаполя*. К их числу относятся и указанные там *Славгород* (бывший

Пропойск в Беларуси, названный городом Славы в знак победы над гитлеровской Германией), и киргизский *Джалал-Абад* (сложение арабских *джалал* («слава») и *абад* («город»)).

Таковыми же по имени зеркально похожими друг на друга являются и маленькие «большие города», вынесенные в заголовок данной заметки. Несмотря на свой небольшой размер, *Болград* в Украине и *Гранвиль* во Франции оба по своим названиям большие.

Болград был основан и назван болгарами, бежавшими на Украину от турецкого гнета. Название сложили (по образцу топонимов типа *Царьград*) из болгарских слов *бол* («большой») (сравните с русским *более*) и *град* («город»).

Французское *Гранвиль* также является двухосновным и образовано сложением слов *grand* («большой») и *ville* («город»).

«Большие» уже при рождении города не оправдали своих имен и остались маленькими, но в этом они, правда, не были виноваты: так решила история.

Почему в слове Солигорск пишется буква и?

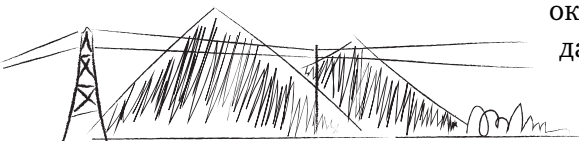

Городские имена на *-горск* в настоящее время возникают постоянно. Это одна из продуктивных моделей, по которым сейчас образуются названия городов. Относительно недавним топонимом является и слово *Солигорск*, которым в 1963 г. был назван город в Беларуси. Это имя город получил вполне заслуженно, так как он возник около разработок калийных солей. Поэтому закономерно появление в его имени в качестве первой основы корня *соль-*. *Солигорск* — это «город соли», «соляной город».

Странным кажется в этом названии только *-и-* между первой и второй основами. Ведь все слова на *-горск* являются сложными

словами с соединительной гласной *о* или *е*. Если первая основа сложения оканчивается на твердый согласный, появляется соединительная *о* (сравните: *Светогорск*, *Зеленогорск* и др.). Если же первая основа сложения оканчивается на мягкий согласный, то ее с морфемой *-горск* соединяет уже *е* (сравните: *Нефтегорск*, *Мончегорск* и т. д.). Это железный словообразовательный закон, который действует так же неотвратно и в нарицательных существительных. Почему же в слове *Солигорск* не *е*, как мы ожидали бы по правилу, а *и*? Может быть, это словообразовательная или орфографическая ошибка? Не то и не другое. *Солигорск* вместо, как нам кажется, единственно правильного *Солегорск* появилось потому, что здесь скрестились два разных словообразовательных разряда. С одной стороны, слова на *-горск*, а с другой — старые «соляные» имена городов типа *Солигалич* и *Соликамск*. Вот в результате этой словообразовательной «прививки» и появился такой топонимический гибрид, как наш *Солигорск*.

Что же касается слов *Солигалич* и *Соликамск*, то *и* там является исконным, так как они возникли в результате аббревиации (сокращения) более старых имен фразеологического характера *Соли Галичские* и *Соли Камские*. Таким образом, на первый взгляд совершенно неверное *Солигорск* оказывается в какой-то мере оправданным словообразовательной аналогией, хотя и противоречит ведущей модели на *-горск*.

В заключение одно попутное замечание. В образном отношении славянское *Солигорск* не одиноко. Вспомните хотя бы австрийский город *Зальцбург* (*Salz* — «соль», *Burg* — «город»), тоже «город соли».

Владимир и Познань

Объединение этих двух городских имен на первый взгляд может показаться совершенно неосновательным. Ведь если название русского города точно переключается с личным мужским именем,

то в польском *Познань* ничего подобного нет. Да и в фонетическом отношении они совершенно непохожи даже характером конечного согласного основы. В первом конечный согласный твердый, во втором — мягкий. И тем не менее в этих словах есть нечто общее. Что именно? Одинаковым является для названий этих городов их происхождение из притяжательных прилагательных. Топоним *Владимир* звучал ранее иначе и не совпадал с соответствующим мужским именем. Он произносился с мягким *р* на конце: *Владимирь*. Как название города *Владимир* возникло из оборота *Владимирь городъ* («город Владимира») в результате выпадения грамматически опорного слова (так же возникло слово *Ярославль* и прочие городские имена этого типа). Притяжательное *Владимирь* является производным от *Владимиръ* с помощью старого суффикса *j*; *pj* дало мягкое *р'*, так же как *-vj-* дало *-вль*. Город был назван по имени основавшего его киевского князя Владимира Мономаха.

Таким же старым притяжательным прилагательным от исчезнувшего славянского личного имени *Познань* является слово *Познань* — *Roznań gród* («город Познана»). Кстати, именно тем, что *Познань* было первоначально определением к существительному *gród* — «город», и объясняется принадлежность его в польском языке к словам мужского рода. Женский род этого топонима в русском языке объясняется тем, что он был воспринят как слово, аналогичное многочисленному разряду топонимических наименований на *-ань* типа *Рязань*, *Тамань*, *Казань*, *Умань* и др.

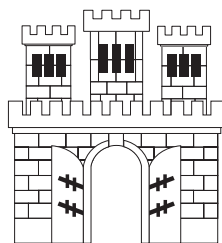
Житомир

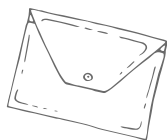
Среди топонимов довольно многочисленную группу составляют так называемые патронимические имена, наименования населенных пунктов по их основателю или владельцу. Немало в этой группе и городских названий.

По своему этимологическому характеру они являются существительными, возникшими морфолого-синтаксическим способом на базе притяжательных прилагательных в результате эллипсиса слов *городъ*: *Борисов* < *Борисовъ городъ*, *Ярославль* < *Ярославль городъ* (то есть «город Бориса», «город Ярослава») и т. д. В результате сокращения оборота *Владимирь городъ* — «город Владимира» (с последующим отвердением конечного *р*) возник и топоним *Владимир* (см. подробнее об этом в заметке «*Владимир* и *Познать*»).

Аналогично возникло и городское имя *Житомир*. Ранее (до отвердения конечного *р*) оно звучало как *Житомиръ*. Название же *Житомиръ* является аббревиацией фразеологического оборота *Житомиръ городъ*, в котором *Житомиръ* представляло собой притяжательное прилагательное от личного имени *Житомиръ*, образованное с помощью суффикса *-j(ь)* еще в общеславянскую эпоху.

Таким образом, *Житомир* буквально значит «город Житомира».

Мзда, возмездие и безвозмездный

В нашей лексике есть немало слов с общим корнем, которые тем не менее имеют самое различное происхождение. К ним необходимо отнести и слова *мзда*, *возмездие* и *безвозмездный*. Корень *мзд-* (*мезд-*) в словах *мзда*, *возмездие* и *безвозмездный* один и тот же, но появились они в русском языке в разное время, пришли в литературную речь различными путями и были образованы каждое по-своему. Да и в семантическом плане эти слова развивались далеко не одинаково.

Самым древним из них является существительное *мзда*. Оно было унаследовано древнерусским языком из общеславянского языка. Более того, есть все основания предполагать, что в каче-

стве определенной лексической единицы оно родилось даже не в праславянский период, а еще раньше: в целом ряде индоевропейских языков издревле выступают его точные соответствия. Сравните хотя бы осетинское *mizd* — «плата, награда», греческое *misthos* и готское *mizdō* — то же самое, английское *meed* — «плата, награда» и др. Когда после возникновения письменности слово *мзда* (*мзда*) попало из устной речи в литературный язык, оно давно уже было непроизводным. Но эта непроизводность слова *мзда* не являлась исконной. Как не без оснований считают многие этимологи, слово *мзда* образовалось с помощью суффикса *-зд-* от того же глагольного корня *мь-* (*mi-*), что и слова *мьсть* («мечь») и — с другой огласовкой (*мѣ-* < *moi-*) — *мѣна* («мена»), и родственно греческому (сицилийскому) *moitos* — «вознаграждение, благодарность», литовскому *maina* — «мена», древнеиндийскому *māyatē* — «меняет», готскому *gamains* — «общий» и т. д.

По своему суффиксальному характеру слово *мзда* (звукосочетание *мзда* появилось после падения слабого редуцированного *ь* перед гласным полного образования *а*) идентично таким существительным, как *борозда*, *звезда*, *езда* и т. п. Древний суффикс *-зд-* изо всех одноструктурных слов сейчас вычленяется по соотношению с глаголом *ехать*, *еду* только в существительном *езда*.

Родство слов *мзда* и *мечь* ясно просвечивает и в их семантике. И здесь народная поговорка «Мста не мзда», переводимая В. Далем как «Мечь не возмездие за добро», оказывается справедливой не абсолютно, а лишь в определенных временных пределах, и именно в новую эпоху. Семантика рассматриваемых слов, равно как и их синонимов, в динамике языка перекрещивается и тесно связывает их вместе. Сейчас действительно *мста* — не «мзда». В современном русском литературном языке *мечь* — «действие в отплату за причиненное зло, возмездие», а *мзда* — «награда, плата».

Сейчас, конечно, и слово *возмездие* семантически не равно слову *мзда*. В том же словаре существительное *возмездие* совершенно правильно определяется как «оплата, кара за преступление,

за зло». Однако так было далеко не всегда. Слово *возмездие* еще для В. Даля было обозначением и кары, и платы, награды, воздаяния. Такое же синкретическое значение может быть отмечено и у основы *мзд-* как составного элемента ныне устаревшего глагола *мздовоздаять* — «качать и жаловать по заслугам», и у древнегреческого *misthos*, имеющего, помимо уже указанных выше значений «плата, награда», также и значение «кара, возмездие».

Сравните аналогичные семантические отношения в словах *плата* и *расплата* — «кара, возмездие», *расчет* и *рассчитаться* (с кем-нибудь) в значении «отомстить кому-либо» и т. д. Сравните также родственные *цена* (в древнерусском языке — «плата») и авестийское *kaena* — «мечь».

Производное от *мечь* — общеславянский глагол *мьстити* обозначает не только «мстить, наказывать», но также «защищать» и «награждать, жаловать». Последнее значение этого глагола позволяет реконструировать также бывшую когда-то у слова *мечь* семантику «плата, награда». Таким образом, в очень давние времена слова *мзда* и *мечь* были синонимами и оба имели значение «плата, награда» (по заслугам). Лишь потом слово *мечь*, как и значительно позже *возмездие* и *расплата*, приобрело новое, современное значение «мечь, кара». Заметим, что подобное развитие семантики мы наблюдаем и у неславянских родственников другого однокорневого со словом *мзда* существительного — слова *мена* — «обмен, изменение» (сравните глагол *менять* — «отдавать и брать одно за другое», раньше также и «покупать» и, следовательно, «платить»). Поэтому вполне возможно, что исходным (этимологическим) значением слов *мзда* и *мечь* было то, которое и поныне свойственно однокорневому *мена* — «обмен» (сначала натурой).

Как видим, слово *мзда* в русском языке исконное, досталось ему по наследству из праславянского языка еще в дописьменную эпоху. Образовано оно было еще в индо-

европейский период суффиксальным способом словообразования и по корню кровным родством связано со словами *мечь* и *мена*.

Совсем иная биография у существительного *возмездие*. Оно сразу появилось в письменной речи и до сих пор носит ярко выраженный книжный оттенок. В русском литературном языке оно не исконное, а пришло к нам из старославянского языка. Впервые отмечается в старославянских памятниках письменности русского извода с XI в. со значением «вознаграждение, воздаяние, возмездие». Эта семантика затем сузилась, и слово *возмездие* стало употребляться лишь для обозначения кары, наказания. Последнее было обусловлено, помимо семантических возможностей, заложенных в самом слове (см. выше), также влиянием контекстов, где речь идет о расплате за дурные поступки и причиненное зло. Таких контекстов в церковно-книжной литературе, где прежде всего употреблялось слово *возмездие*, встречается предостаточно. Старославянизм *възмьзdie* не был образован с помощью приставки *въз-* и суффикса *-иј-*, как может показаться с первого взгляда, а представляет собой слово, возникшее путем словообразовательного калькирования древнегреческого *antimisthia* — «плата, воздаяние, вознаграждение, возмездие», то есть посредством его последовательной поморфемной съемки: приставки *anti-* приставкой *въз-*, основы *misth-* основой *мьзд-* и суффикса *-ia* суффиксом *-и* (указываем их здесь для удобства вместе с окончаниями).

Таким образом, если иметь в виду этимологический состав, то слово *возмездие* можно перевести как «ответная кара».

В биографическом аспекте, следовательно, слово *возмездие* резко отличается от слова *мзда* и своим неисконным для русской речи происхождением, и появлением лишь после принятия христианства, и способом словообразования. В настоящее время в актуальном языковом сознании рядового носителя современного русского языка слово *возмездие* со словом *мзда* уже не связывается: они стали совершенно чужими в силу резкого семантического сдвига, происшедшего в первом слове.

А теперь о прилагательном *безвозмездный*. По сравнению со словами *мзда* и *возмездие*, оно «подросток», так как появилось на свет совсем недавно. По данным «Словаря современного русского литературного языка», оно впервые фиксируется в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. По своему образованию оно довольно оригинальное, ибо получилось в результате переделки более раннего и «более правильного» прилагательного *безмездный*, известного еще в древнерусском языке. *Безвозмездный* возникло на базе *безмездный* точно так же, по той же модели, что и *бесталаный* — из *бесталантый*, *свидетель* — из *свьѣдѣтель*, *солянка* — из *селянка*, в результате процесса замещения основы: основа *-мзд-* под влиянием слова *возмездие* в старом значении «плата, вознаграждение» была заменена основой *возмезд-*.

Следовательно, слово *безвозмездный*, будучи исконным, является собственно русским образованием, весьма поздним по степени своего появления и очень своеобразным с точки зрения деривации. В семантическом плане оно полностью повторяет своего предшественника иной основы (слово *безмездный*) и своего значения «*бесплатный*» пока не меняло.

Что касается исходного *безмездный* — «*бесплатный*» (сравните: *безмѣздна врачѣва* («*бесплатное лечение*») в Стихираре праздничном Софийской библиотеки, 1163 г.), то оно, вероятно, представляет собой известную в XI в. словообразовательную кальку древнегреческого *amisthos* — «*неоплачиваемый, безвозмездный, даровой*».

Впрочем, этимология старого *безмездный* для прилагательного *безвозмездный* — это уже связи и отношения «второго колена».

Казначей, барабанщик и басмач

В языке немало слов-родственников, генетические связи которых совершенно не чувствуются. Превратности языковой судьбы резко меняют и их фонетическое «лицо», и их морфемный характер. Встречаясь с ними, мы и не подозреваем прежней

близости этих слов. К таким лексическим единицам можно отнести и те слова, которые вынесены в заглавие, хотя на первый взгляд кажется, что между ними ничего общего нет и не могло быть. В самом деле, что роднит эти слова сейчас? Пожалуй, только одно категориальное значение лица: все они обозначают пусть и разное, но действующее лицо и в соответствии с этим относятся к разряду имен существительных лица. Ничего другого, что бы их сближало, современное языковое сознание нам не подсказывает. Особенно разными они кажутся по своей словообразовательной структуре и морфемному составу.

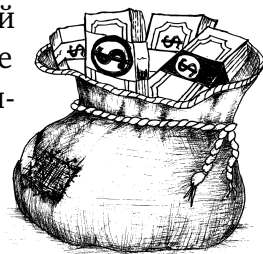
Слово *барабанщик* в своей основе делится на непроемную основу *барабан-* и агентивный суффикс *-щик (-чик)*, свободно выделяющийся в других словах, более того — активно их образующий (сравните: *атомщик, трамвайщик, бетонщик* и др.). Что касается слова *казначей*, то в нем рядом с непроемной основой *казн-* (сравните: *казна*) мы наблюдаем уже нерегулярный суффикс *-ачей*, суффикс в известной степени уникальный. Существительное же *басмач* вообще предстает перед нами как корневое, и, несмотря на все это, названные существительные оказываются генетически принадлежащими к одной и той же словообразовательной модели. А отрезки *-щик, -ачей* и *-ч* восходят к одному и тому же суффиксу лица. Какому? Агентивному суффиксу *-чи* тюркских языков.

Вряд ли вы думали (мне приходилось это проверять на многих аудиториях), что слово *барабанщик* нерусское по своему происхождению: ведь это «тот, кто играет на барабане», так же как, скажем, *стекольщик* — «тот, кто вставляет стекла». И тем не менее это так. Слово *барабанщик* такой же тюркизм, как *казначей* и *басмач*. Только заимствовались эти слова в разное время, поэтому их русификация и происходила по-разному. Данный пример — яркое доказательство глубокой разницы (иногда даже пропасти), которая существует между современной словообразовательной структурой слова и его реальным происхождением в языке.

Но обо всем по порядку. Раньше всего в нашей речи появилось слово *казначей*. Древнетюркское *казначи* было переоформлено в древнерусском языке в *казначии* (конечное *и* равно *ь*), а затем, после падения редуцированных, изменилось в *казначей*, так же как *Сергий* в *Сергей*. Так, сохранив соотнесенность со словом *казна*, оно получило современную структуру: *казн-ачей*(). В этом отношении его судьба напоминает устаревшие слова *домрачей* (< *домрачи*), *арбачей* (< *арбачи*) и другие (по происхождению тоже тюркизмы).

Иная судьба ждала тюркское *барабанчи*. Оно пришло к нам уже тогда, когда в русском языке суффикс *-чик* (*-щик*) стал активным словообразовательным элементом, с помощью которого оформлялись многие новые слова со значением действующего лица. По картотеке древнерусского словаря Института русского языка РАН, оно впервые фиксируется в памятниках начала XVI в. Тюркское *барабанчи* при заимствовании было подогнано под слова на *-щик* типа *данщик*, точно так же как ранее *ямчи* > *ящик* и позднее *духанчи* > *духанщик*. Языковое чутье подводит нас здесь особенно сильно: казалось бы, самое русское слово, образованное продуктивным суффиксом со значением лица, на поверку оказывается иноязычным.

Заимствованный характер слова *басмач* чувствуется сразу. Это объясняется и тем понятием, которое оно выражает, и новыми условиями его усвоения. Борьба с басмачеством в Средней Азии хотя и в прошлом, но все еще свежа в памяти многих. Узбекское происхождение этого слова ясно. Слово *басмач* примечательно не столько своим сторонним характером, сколько способом своего переоформления на русской почве.

Тюркское *басмачи* (буквально — «налетчик»), являющееся в языке-источнике суффиксальным производным от *басма* — «налет», было осознано, по аналогии со словами *трубачи*, *лихачи*, *богачи* и т. д., как форма именительного падежа множественного числа. Кусочек *-и* тюркского суффикса *-чи* стал окончанием в русском языке. Произошло

«межъязыковое» переразложение на стыке корня и суффикса, которое привело к рождению слова, состоящего из корня и окончания. Так появилось совершенно немислимое для тюркских языков слово *басмач* с нулевым окончанием после непроезводной основы.

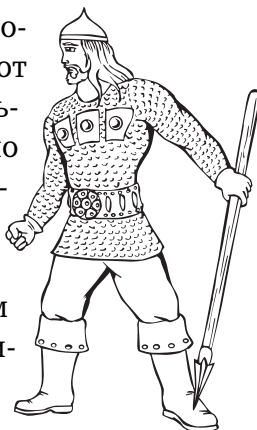
Как видим, совершенно непохожие друг на друга по своей структуре слова генетически являются тюркизмами и принадлежат к одной и той же словообразовательной модели. Однако в языке бывает и обратное. Слова, структурно идентичные, в действительности по своему происхождению могут быть самыми разными. Но об этом отдельный рассказ.

Чужие близнецы

Существительные *вольность*, *дородность*, *плотность* кажутся самыми простыми, словообразовательно и генетически прозрачными словами. С точки зрения современного языкового сознания все они прямо и непосредственно связаны с соответствующими прилагательными и поэтому, несомненно, воспринимаются как производные, образованные в русском языке с помощью суффикса *-ость*. Пары *вольность* — *вольный*, *дородность* — *дородный*, *плотность* — *плотный* и принадлежность существительных к обширной, с каждым днем растущей категории слов на *-ость* не позволяют подозревать здесь ничего этимологически особенного. Но осторожнее с такими «одинаковыми» фактами! Именно эти словообразовательные «близнецы», выделяющие все один и тот же суффикс *-ость*, очень ярко и наглядно свидетельствуют о том, что нередко как будто совершенно очевидное и единственно правильное решение оказывается абсолютно неверным. Если мы скажем, что слова *вольность*, *дородность* и *плотность* в русском языке были образованы посредством суффикса *-ость*, то совершим грубую этимологическую ошибку, приняв настоящее за прошлое,

современные словообразовательные связи этих слов за их реальное происхождение в нашей речи.

Как повествует лексическая история, только слово *дородность* было создано в русском языке с помощью суффикса *-ость*. Что касается двух других, то у них родословная совсем иная.

Слово *плотность* появилось на свет у А. Кантемира в его переводе книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров». Свой неологизм Кантемир создал не с помощью суффикса *-ость* на базе прилагательного *плотный*, а как словообразовательную кальку французского *solidité*. Таким образом, слово *плотность* образовано калькированием, путем поморфемной съемки чужого слова (*solid-* — *плотн-*, *-ité* — *-ость*). Оно представляет собой не суффиксальное производное, каким сейчас выглядит, а словообразовательную кальку. И хотя сделано из русского языкового материала, но по структурной «мерке» своего французского родителя.

Еще больше может удивить биография существительного *вольность*. Ведь это на первый взгляд самое исконно русское слово в нашем языке по происхождению является пришлым, заимствованным из близкородственной, но иной языковой системы.

Откуда пришло к нам слово *вольность*? Оно принадлежит к довольно большой группе полонизмов и появилось в лексике нашего языка в XVI в. посредством так называемого литературного языка Юго-Западной Руси, то есть украинско-белорусского книжного языка.

Как видим, в мире слов мы должны быть готовы к самым удивительным неожиданностям. Слова, непохожие друг на друга (*барабанщик*, *басмач* и *казначей*), по определенной линии оказываются родственными, суффиксально одинаковые слова — совершенно различными.

Что общего между словами капитан и капуста?

Если не считать их принадлежности к категории имен существительных, то между этими словами как будто нет ничего общего. Впрочем, подождите. Оба слова начинаются с одного и того же звукосочетания и буквосочетания *кап*. Но так ли это существенно? Разве мало слов, имеющих в своем составе одинаковые звуковые и буквенные отрезки и тем не менее абсолютно никакого отношения друг к другу не имеющих? Сколько угодно. Есть ведь даже омонимы, которые фонетически и орфографически целиком повторяют один другого, но являются друг другу совершенно чужими.

Данные русской этимологии говорят, что совпадение кусочка *кап-* в словах *капитан* и *капуста* не случайно и они состоят между собой в известном родстве, правда, очень далеком, опосредованном и сложном.

Последнее сказывается, в частности, в том, что слово *капуста* в такой же степени оказывается родственным не только слову *капитан*, но также и словам... *композиция* и *компот*! Все дело в том, что существительное *капуста* в славянских языках — своеобразный лексический гибрид, возникший путем скрещивания слова, родственного существительному *капитан*, со словом, родным и близким существительным *композиция* и *компот*.

Заметим сразу, что первоначально это скрещение отразилось не только во внешней форме слова *капуста*, но и в его семантике. Но судите сами.

Существительное *капитан* пришло к нам в древнерусскую эпоху. В памятниках письменности оно отмечается по крайней мере с 1419 г. Не совсем ясно, из какого языка непосредственно оно у нас появилось (из итальянского *capitano* или польского

kapitan), но первоисточник известен очень хорошо. Им является среднелатинское *capitaneus* — «главный; начальник», представляющее суффиксальное производное от латинского *caput* — «голова». По своему «образному» строению слово *капитан*, таким образом, однотипно нашему слову *голова* в значении «начальник, предводитель; глава, вождь».

Как видим, в слове *капитан* корень *kap-* идентичен *cap-* в латинском *caput* — «голова». Это же слово своим корнем представлено и в существительном *капуста*, но оно в нем причудливо совмещено с другим, в чистом виде давшим слова *композиция* и *компот*.

Когда же и как это произошло? Какие конкретно лексические единицы были виновниками появления слова *капуста*? Слово *капуста* по времени своего появления в нашем языке значительно более древнее, нежели существительное *капитан*. Оно досталось древнерусскому языку по наследству от праславянского. Там это слово, по мнению большинства этимологов, родилось в результате скрещения двух различных слов, пришедших из разных языковых источников.

Одним словом, было существительное того же корня, что и слово *капитан*. Это древневерхненемецкое *сариз*, восходящее к латинскому *caputium* — «кочан (головка) капусты», суффиксальному образованию от *caput* — «голова». Другим словом было существительное с тем же корнем, который в историческом плане можно выделить в словах *композиция* и *компот*. Это среднелатинское *composta* < *composita* (буквально — «сложенная зелень»), пришедшее к славянам через немецкое посредство (сравните средневерхненемецкое *kumpost* — «кислая, квашеная капуста», «блюдо, кушанье из квашеной, кислой (а потом и сладкой) зелени, капусты»). *Капус* и *компоста* дали *капусту*. В значениях обоих исходных слов слово *капуста* известно еще в древнерусском языке (сравните в «Уставе» XII в.: *капуста солона без масла*, где *капуста* значит «кушанье из квашеной, соленой капусты», в Псковской ле-

тописи около 1476 г.: «**Повезе псковитин съ огорода капусту**», где *капуста* значит «кочанная капуста») и диалектах (сравните: «На лей мне капусты», где *капусты* значит «щей»; «Вешний пир капустой давят», где *капустой* значит «квашеной капустой» и т. д.).

Родственники среднелатинского *composta* < *composita* *композиция* и *компот* пришли к нам: первое — из латинского языка, а второе — из французского.

Что моет судомойка?

Каждому известно, что судомойка моет. Конечно, посуду. Почему же ее называют не «посудомойкой», а *судомойкой*?

В самом деле, судомойка — это женщина, которая по своей должности занимается мытьем посуды. Но это вовсе не женщина, моющая суда. Почему же в существительном *судомойка* корень *суд-* соотносится не со словом *судно*, *суда* в значении «корабль, корабли», а со словом *посуда*? В этом корне сохраняется старое значение слова *судно*, *суда* — «посуда». Кроме существительного *судомойка*, это значение сохранилось только в корнях слов *посуда*, *судок* и *судно*, *суда*.

Заметим, что наше *судно*, *суда* является яркой иллюстрацией очень интересного и регулярного развития значения «посуда» в значение «судно, корабль, лодка», проявляющегося в целом ряде слов.

Возьмем в качестве примера существительное *лодка*. Его современная семантика как уменьшительно-ласкательного образования от утраченного слова *лода* тоже восходит к «посудному» значению, о чем говорит родственное ему норвежское *olda* — «корыто» (начальное *ol* перед согласным *d* изменилось в восточнославянских языках в *ло*, сравните со старославянским *ладья*). Как свидетельствует современное употребление посудных названий в качестве обозначения судов (сравните: *посудина*, *корыто*), первоначальное использование слов со значением «посуда» по отношению к судам было уничижительным, ироническим.

Между прочим, превращение оценочных названий в нейтральные наблюдается часто и образует один из наиболее важных внутренних законов языка.

Но вернемся к слову *судомойка*. В наполовину родственном ему существительном *портомойка* мы наблюдаем такое же сохранение старого значения первой частью сложного слова. Здесь непроизводная основа *порт-* также не равняется по смыслу корню *порт-*, который мы сразу же вспоминаем как основную принадлежность одного из названий брюк (сейчас просторечного и грубоватого) — *портки*.

Ведь *портомойка* — это та же самая прачка, то есть женщина, которая стирает одежду, верхнее и нижнее белье, а не только брюки. И в слове *портомойка* часть *порт-* по вещественному значению равна слову *одежда*. Таким и было, кстати, прежнее значение слова *портъ*, в древнерусском языке «заглавного» и наиболее употребительного общего наименования одежды. Не случайно, что именно оно легло в основу слова *портной*, обозначающего мастера, шьющего одежду.

Как видим, основа *порт-* сузила свое значение, превратившись из родового названия одежды вообще в обозначение одного из ее видов — брюк. Та же участь постигла и слово *платье*, которое сейчас в основном специализируется на обозначении вида женской одежды.

Почему назвался груздем?

Кратко историю появления на свет восточнославянского названия груздя (сравните украинское *груздь*, белорусское *груздзь*) можно представить себе следующим образом.

Слово *груздь* (изменившееся впоследствии в *груздь*) возникло в результате сокращения словосочетания *груздь грибъ* — «хрупкий, ломкий гриб» (сравните: *портной* < *пъртъный швьць* — «портной швец», *мостовая* < *мостовая улица* и т. д.). Прилагательное *груздь* идентично литовскому *gruzdùs* — «хрупкий, ломкий» (срав-